

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

И. В. Минникес

**ВЫБОРЫ В ИСТОРИИ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
В IX — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА**

Теория и история государства и права

Ирина Минникес

**Выборы в истории Российского
государства в IX – начале XIX века**

«Юридический центр»

2010

Минникес И. В.

Выборы в истории Российского государства в IX – начале XIX века
/ И. В. Минникес — «Юридический центр», 2010 — (Теория и
история государства и права)

Настоящая монография представляет собой попытку оценить историческое развитие института выборов как многогранного явления на протяжении тысячелетия. Автор анализирует разнообразные взгляды на проблему выборов, содержащиеся в трудах современных отечественных и зарубежных авторов, а также дореволюционных историков и государствоведов; исследует развитие процедуры выборов, процесс становления круга их участников; рассматривает избирательные документы. Книга предназначена для научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, студентов, работников правоохранительных органов, а также для всех интересующихся вопросами истории Российского государства.

© Минникес И. В., 2010

© Юридический центр, 2010

Содержание

Предисловие	6
Глава I	15
§ 1. Общая характеристика выборов в IX–XV вв	15
1.1. Хронологические рамки института выборов в Древнерусском государстве	16
1.2. Территориальные масштабы применения выборов	21
§ 2. Основания и порядок проведения выборов в IX–XV вв	25
2.1. Основания и процедура княжеских выборов в IX–XV вв	25
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ирина Минникес

Выборы в истории Российского государства в IX – начале XIX века

Редакционная коллегия серии «Теория и история государства и права»

И. Ю. Козлихин (отв. ред.), С. Н. Бабурин, Ю. И. Гревцов, И. Х. Дамения, А. В. Ильин, И. А. Исаев, О. М. Карамышев, Д. И. Луковская, А. В. Малько, М. Н. Марченко, А. В. Поляков, А. С. Смыкалин, Е. В. Тимошина, Р. Л. Хачатуров

© И. В. Минникес, 2010

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2010

Предисловие

Выборы – одна из величайших ценностей демократического общества. Принципы, на которых основаны выборы в конкретном государстве, свидетельствуют о состоянии и уровне развития демократии в нем. Но характерные черты выборов определяются не только территориальными границами, но и временными факторами. На каждом этапе развития общества выборы, коль скоро они применяются в практике государственной жизни, имеют особые черты, которые диктуются, с одной стороны, внутри- и внешнеполитическими, экономическими и социальными характеристиками текущего этапа, а с другой – обычаями, традициями и правом предшествующих эпох. Поэтому изучение эволюции института выборов представляется важным направлением исследования как собственно выборов, так и развития государственно-правовых явлений в обществе в целом.

Исторический аспект института выборов представлял интерес для историков и государствоведов во все времена. Однако довольно длительный период исследования советской историко-правовой науки в области выборов и избирательного права находились под влиянием общей партийно-политической установки: все важнейшие достижения государственно-правовой сферы объявлялись исключительно завоеваниями советской власти. Исходя из этого, выборы при феодализме если и признавались, то освещались под определенным углом зрения – подчеркивалось их несовершенство, внимание акцентировалось на классовых противоречиях между их участниками. То, что институт выборов в советском обществе развился благодаря многовековым историческим традициям, предпочитали забыть, создавая впечатление, что советские выборы ничего общего с дореволюционными не имели и родились буквально на пустом месте. Такой подход вполне объясним, ведь если провести непредвзятое сравнение между выборностью некоторых дореволюционных институтов и советскими выборами, то по очень многим пунктам советская система проиграла бы. Во многом этими же соображениями объяснялось то, что некоторые категории института, такие, например, мажоритарная избирательная система, применялись лишь в отношении дореволюционных и зарубежных выборов. Советским государstвооведам часто приходилось, выполняя политический заказ, критиковать недостатки мажоритарной системы зарубежных или дореволюционных выборов, но умалчивать о том, что именно она, какими бы завесами ее не маскировали, господствовала и в советском государстве. Наличие единственного кандидата на выборный пост превращало советские «самые демократические» выборы в фикцию, имеющую только идеологическое значение, а изучение института заключалось в восхвалении совершенства советских выборов. В этих условиях реальное исследование, свободное от идеологического и политического прессинга и, тем более, признающее вероятность преемственности в развитии института, было невозможно.

Демократизация государства изменила ситуацию. Во-первых, выборы в нашей стране перестали быть фиктивной процедурой. Постоянной практикой стали наличие нескольких кандидатов на выборные посты и реальная борьба между ними. Современные выборы крайне редко имеют заранее предreshенный исход. Во-вторых, в исследованиях по истории государства и права потеряло былую силу «политически правильное» разделение истории на досоветский и советский периоды. Это позволило по-иному взглянуть на развитие многих отраслей и институтов, например, признать ценность дореволюционных разработок в области гражданского, финансового и процессуального права. Соответственно, стала возможна переоценка дореволюционного опыта функционирования института выборов. В последнее десятилетие были изданы фундаментальные работы, опирающиеся на документальные материалы и разработки государstвоведов и историков досоветской эпохи.¹ Безусловно, эти труды имеют огром-

¹ Институт выборов в истории России. Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX – начала

ную ценность для изучения истории выборов. Однако выборы – настолько многогранное явление, что некоторые его аспекты остались за рамками исследований. Понятие «выборы», по замечанию Ю. А. Веденева, включает в себя три составляющие – политическую, юридическую и технологическую, причем все они раскрывают формальную или нормативную часть избирательного процесса, наряду с которой присутствует и «неформальная или ненормативная» составляющая.² В. Д. Перевалов и А. А. Югов также подчеркивают многоцелевое социальное предназначение выборов, хотя выделяют несколько иные аспекты. Они трактуют выборы как конституционную форму демократии, принцип конституционного строя, институт прямого народовластия, политическая кампания и социально-правовой институт.³ Как отмечено авторами, предметом исследования, как правило, являются лишь отдельные составляющие рассматриваемого феномена.⁴ Если проанализировать с этих позиций работы, посвященные выборам, можно обнаружить, что вне сферы исследования остались достаточно значительные области и аспекты института.

Во-первых, выборы как процедура исследуются обычно «в статике». Другими словами, слабо выражен сравнительный аспект. А ведь выборы, как и многие иные явления, «рождаются» каждый раз не на пустом месте. Даже в современных выборах можно отыскать черты, заложенные их предшественниками много столетий назад, например, голосование посредством бюллетеней или определение итогов в соответствии с мажоритарной избирательной системой. Исходя из этого, огромное значение имеет не только статическое изучение важных этапов становления выборов, но и исследование института в его непрерывном развитии и совершенствовании, с выделением черт, заимствованных от предшествующих этапов. Поэтому исследование охватывает многовековой период истории России, который, в свою очередь, подразделен на три этапа. Каждый этап имеет более или менее определенные хронологические рамки и характеризуется существенными качественными изменениями основных черт института выборов.

Первый этап – IX–XV в. Начальный этап отражает практику выборов, существовавшую в Русском государстве в IX–XV в. Процедуры «призвания» князя, замещения кафедры владыкой и т. п., безусловно, не идентична выборам в их современном варианте, но их роль и значение в обществе, некоторые характерные черты вполне отвечают понятию выборов.

Окончание данного этапа обычно связано с вопросом самостоятельности городов. Поскольку объединение русских земель представляет собой длящийся процесс, можно указать лишь приблизительные границы – XV в.

В научной и учебно-методической литературе период с IX по XV в. чаще всего представлен как два отдельных этапа развития русского государства и права. Первый обычно охватывает государственность и правовые институты до начала XII в., второй – с XII по XV в. Наименование данных периодов несколько варьируется. Первый обозначается как раннефеодальный или, что сейчас более распространено, древнерусский. Второй характеризуется как период удельной Руси или феодальной раздробленности.

В контексте настоящего исследования необходимо отметить, что подразделение на два периода не исключает некоторых сходных моментов в политической организации общества в IX–XII в. и XII–XV в. Одна из общих черт – возможность прибегнуть к выборам как одному из вариантов замещения должности в государственном механизме. Конечно, выборы – институт политический, и основные изменения в обществе влияют на основания и порядок проведения выборов. Эти изменения в институте будут отмечены при исследовании того или иного аспекта

XX в. / Под ред. А. А. Вешнякова. М., 2001 и др.

² Введение в избирательное право. М., 2003. С. 15.

³ Перевалов В. Д., Югов А. А. Выборы и выборное право // Российский юридический журнал. 2003. № 1. С. 7.

⁴ Там же. С. 8.

выборов. В то же время основные характеристики и принципы процесса «призвания» являлись неизменными на протяжении IX–XV вв. Поэтому представляется излишним подразделение практики выборов в этот период на два этапа. Весь промежуток времени, соответствующий двум разным периодам развития государства и права, объединен в один этап становления и развития института выборов.

Второй этап – XVI–XVII в. Данный этап развития института выборов можно назвать официальным (выборы IX–XV в. основывались на обычаях), поскольку в этот период инициатива введения или признания практики выборов исходила от государства.

Начало новому этапу развития института выборов в России было положено на местном уровне. В актах конца XV в. можно встретить упоминание о лицах, обладавших ограниченными полномочиями, в основном совещательного характера – судных мужах, «добрых» или «лучших» людях в суде. Принцип выборности губных властей официально был введен в практику в первой половине XVI в. Еще более ранние сведения о выборах относятся к институту городских приказчиков. Окончательное оформление института выборов связано с организацией местного самоуправления в середине XVI в. и формированием общегосударственных совещаний (соборов).

Окончанием данного периода развития выборных институтов в России считается конец XVII в. Безусловно, большинство выборных лиц к тому времени окончательно приобрело статус правительственных служащих, а не представителей местного сообщества. Но полномочия и порядок замещения должности – разные аспекты исследования. Поэтому следует подчеркнуть, что изменение характера должности не означает ликвидации принципа выборности на местах. Как и в отношении предыдущего этапа, можно говорить о сохранении и преемственности выборных институтов на низшем уровне.

Третий этап – XVIII – начало XIX в. Выборы в XVIII – начале XIX в. представляют собой своеобразную ступень исторического развития данного института, которая характеризуется самобытностью и обладает чертами, свойственными лишь данному этапу. Но в рамках этого периода можно отметить два подэтапа, каждый из которых имеет свои особые черты. Выборы в период с XVIII до начала XIX в. можно подразделить на «старые» и «новые», или постреформенные.

К первой группе относится замещение должностей, «унаследованных» от предыдущего этапа – голов, «верных людей», старост и др. Кроме того, таким образом «определялись» практически все выборные должности в первой половине XVIII в. Процедура избрания этих лиц хранит основные черты эпохи XVI–XVII в. – некоторая расплывчатость формулировок, отсутствие четко выраженной избирательной системы, большое влияние обычаев на процедуру выборов, неопределенность территориальных округов и контингента избирателей, оформление выбора-ручательства. Выборы «нового типа» характеризуются более детальной правовой регламентацией, определенностью требований к избирателям и избираемым, конкретизацией важнейших стадий процедуры.

Следует отметить, что выборы первого вида характерны для первой половины XVIII в., а второй вид распространился в практике в связи с формированием Уложенной комиссии 1766 г. Однако подразделение не имеет строгих хронологических границ – выборы некоторых лиц даже к концу XVIII в. хранили черты старого процесса, а многие элементы нового типа были разработаны законодательством еще в 20-х годах, в частности, порядок голосования и подсчета голосов. Практически с этого периода можно говорить и о постоянной правовой регламентации, и об определенности основных принципов и порядка проведения выборов.

Исследование правового института в динамике представляется очень важным и перспективным направлением исследования любой отрасли и любого правового явления. Например, изучение эволюции института обязательств позволяет определить не только характерные черты, свойственные обязательственным отношениям конкретного периода времени, но и важ-

нейшие направления развития и совершенствования данного института на протяжении столетий. То же можно сказать и о других институтах, в том числе и о выборах: только при такой постановке вопроса можно воссоздать общую картину развития института выборов в стране, выявить основные тенденции и возможности эволюции выборности.

Во-вторых, нуждается в систематизации и обобщении процедурная составляющая института. Порядок выборов должностных лиц в каждом случае чаще всего дается как уникальный. Возможно, с исторических позиций это верно. Но представляется полезным взглянуть на институт выборов с позиций юриста, т. е. представить выборы на каждом этапе развития государства не просто как историческое явление, но и как государственно-правовой институт, выявить основания и причины выборов, основные закономерности и стадии процедуры избрания, проанализировать, какие стадии имеют обязательный характер, а какие факультативную природу. Исследование самых разнородных процедур избрания позволяет не только составить обобщенную картину порядка выборов на конкретном этапе, но и выявить те процедурные элементы, которые являются «прародителями» некоторых современных процессуальных избирательных норм.

Таким образом, можно выделить процедурный аспект выборов как одно из важнейших направлений исследования в данной работе.

В-третьих, требуется конкретизировать и уточнить вопрос о лицах, участвующих в выборах. Состав участников выборов в IX – начале XIX в., если и намечен в некоторых исследованиях, то несистематизированным образом, без применения категорий «ценз» или «требования к субъектам». Они предстают как неопределенная масса, характеризующаяся минимальным количеством признаков. Такой подход не позволяет выделить какие-либо общие черты и закономерности формирования круга участников выборов.

Кроме того, круг участников имеет в исследованиях «традиционный», узкий состав – лица, имевшие право голоса и те, за кого голосуют. Но круг участвующих в выборах намного шире. По классификации А. А. Югова, они подразделяются на нормоучредительных участников выборного процесса, его инициаторов, организаторов, голосующих и баллотирующихся граждан, наблюдателей, политические, общественные объединения и группы избирателей.⁵ Кроме того, с выборами связаны некоторые аспекты деятельности органов суда и прокуратуры.

Таким образом, в изучении нуждается субъективный элемент выборов, который расширен за счет организаторов выборов и систематизирован при помощи категорий требований или цензов.

В-четвертых, очень серьезным пробелом в знаниях о становлении и развитии института выборов является невнимание к его правовой составляющей. Довольно часто основной акцент делается на начале XX в.⁶ Безусловно, акты о формировании Государственной Думы и Учредительного собрания имели огромное значение, но не с них следует начинать «отсчет» избирательного законодательства. Корни современного избирательного права лежат в более ранних эпохах. Отсутствие подробного специализированного анализа актов, регулирующих выборы, исследования избирательных документов, фиксирующих отдельные факты и действия, связанные с выборами, не позволяет воссоздать полную картину эволюции института выборов. Кроме того, анализ документальных форм, так или иначе связанных с институтом выборов, необходим как одна из составляющих общей схемы развития государства и права на протяжении многих веков.

Теоретический базис исследования института выборов сформирован из общетеоретических и государственно-правовых разработок и понятий, введенных в оборот Ю. А. Веденее-

⁵ Югов А. А. Субъективное избирательное право по действующему законодательству Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2000. № 3. С. 60.

⁶ Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации /Под ред. А. В. Иванченко. М., 1999. С. 49.

вым, А. А. Вешняковым, А. В. Иванченко, В. В. Игнатенко, С. Д. Князевым, В. И. Лысенко, В. Д. Переваловым, А. Е. Постниковым, Б. А. Стародубским, А. А. Юговым⁷ и др.

Историко-юридический аспект исследования базируется на изучении исторических документов, актов и сборников законов, а также монографических исследований. Положения данной монографии основаны на анализе многочисленных правовых источников, объединенных в «Полное собрание законов Российской империи», «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии Иностранных дел» и т. п., в сборники, относящиеся к конкретному времени, такие, как «Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века», «Законодательство Екатерины II» и др., и собрания правовых источников локального характера, например, «Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей». Характер работы обусловил обращение к таким документальным источникам, как акты писцового дела, сотницы и грамоты, проекты законодательных актов, статистические материалы, собрание актов Археографической экспедиции, сборники Русского исторического общества и архивные документы.

В монографии проанализированы многочисленные взгляды на проблему выборов, содержащиеся в исследованиях современных русских и зарубежных авторов, а также трудах дореволюционных историков и государствоведов. Однако в подавляющем большинстве исследований выборы не являются самостоятельным объектом.

В частности, во многих исследованиях некоторые аспекты выборов затронуты в рамках всестороннего анализа состояния общества в конкретный период времени или в его историческом развитии. Как к части общей истории развития русского государства и права в течение нескольких столетий к выборам проявляли интерес такие историки и юристы прошлого и современности, как И. Д. Беляев, М. Ф. Владимирский-Буданов, Н. П. Загоскин, Д. И. Иловайский, Н. М. Карамзин, В. О. Ключевский, М. К. Любавский, С. Ф. Платонов, М. Н. Покровский, С. М. Соловьев, С. В. Юшков и др.⁸ В более узких по хронологии работах выборы также изучаются не как самостоятельный институт, а как вспомогательный момент, служащий для наиболее полной характеристики уровня развития общества и государства конкретной эпохи. В этом значении выборы включены в круг проблем исследования в некоторых работах Н. Н. Андреева, Г. В. Вернадского, Б. Д. Грекова, М. А. Дьяконова, А. А. Зимина, Н. П. Павлова-Сильванского, А. Е. Преснякова, Д. Я. Самоквасова, В. И. Сергеевича, М. Н. Тихомирова, Д. Феннела, И. Я. Фроянова, Л. Хьюз, С. О. Шмидта и др.⁹

⁷ Введение в избирательное право. М., 2003; Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. М., 1999; Институт выборов в истории России. М., 2001; *Игнатенко В. В., Штурнев А. Е.* Законодательство о выборах и референдумах. Основные понятия и термины. Иркутск, 1998; *Они же.* Словарь по избирательному праву. Иркутск, 1999; *Князев С. Д.* Очерки теории российского избирательного права. Владивосток, 1999; *Он же.* Современное российское избирательное право: понятие, принципы, источники. Владивосток, 1999; Очерки по истории выборов и избирательного права / Под ред. Ю. А. Веденеева, Н. А. Богодаровой. Калуга-М., 1997; *Перевалов В. Д., Югов А. А.* Выборы и выборное право // Российский юридический журнал. 2003. М.; *Постников А. Е., Алехичева Л. Е.* Недействительность выборов. Законодательство и судебная практика. М., 2001; *Стародубский Б. А.* Общая политология. Основы теории политической жизни общества. Екатеринбург, 2000; *Югов А. А.* Субъективное избирательное право по действующему законодательству Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2000. № 3.

⁸ *Беляев И. Д.* История русского законодательства. СПб., 1999; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995; *Загоскин Н. П.* История права русского народа. В 2 т. Казань, 1899; *Иловайский Д. И.* История России. М., 1890; *Карамзин Н. М.* История государства российского в 4 кн. М., 1989–1990; *Ключевский В. О.* Сочинения в 8 т. М., 1957–1959; *Любавский М. К.* Лекции по древней истории до конца XVI в. СПб., 2000; *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории СПб., 1997; *Покровский М. Н.* Избранные произведения в 4 т. М., 1965–1966; *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. М., 1993–1994; *Юшков С. В.* Курс истории государства и права М., 1949.

⁹ *Андреев Н. Н.* Культурно-исторические очерки России № 3–5. СПб., 1909–1912; *Вернадский Г. В.* История России. Московское царство. М.-Тверь, 1997; *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949; *Дьяконов М.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. М., 1926; *Зимин А. А.* Витязь на распутье. М., 1991; *Он же.* Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960; *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России. М., 1988; *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993; *Самоквасов Д. Я.* Главнейшие моменты в государственном развитии Древней Руси и происхождение Московского государства.

Ряд исследований, помимо хронологических, имеет ограниченные территориальные рамки. В них выборы изучаются с различной степенью детализации как часть государственно-правовой практики той или иной местности в конкретный период времени. Это относится к работам Б. И. Александровского, Ю. Г. Алексеева, В. Н. Вернадского, Г. Бирнбаума, М. М. Богословского, Болховитинова (Е.), М. С. Грушевского, В. Крестинина, Ю. А. Лимонова, О. В. Мартышина, Г. Пикхан, Н. Л. Подвижной, М. Роберта, С. А. Таракановой.¹⁰

Вопрос о выборах так или иначе затрагивается в процессе направленного изучения проблем государственного строя. Естественно, полная характеристика того или иного государственного органа невозможна без обращения к порядку его формирования. В этих исследованиях выборы выступают не как самостоятельный объект изучения, а как «попутный» аспект исследования государственных структур или реформ в области государственного аппарата. В таком ключе выборность упоминается в работах С. Л. Авалиани, Ю. В. Готье, А. Д. Градовского, И. И. Дитятина, М. В. Довнар-Запольского, А. Заозерского, А. А. Кизеветтера, В. Н. Латкина, Н. П. Лихачева, Н. Е. Носова, Д. В. Поленова, Д. И. Прозоровского, М. Н. Тихомирова, П. Н. Чеглокова, Л. В. Черепнина, А. Н. Щапова, В. Л. Янина и др.¹¹

Изучение социальной структуры общества того или иного периода, определение характера и направленности народных волнений также в какой-то мере касаются вопроса о выборах. В работах В. Дьячана, П. Дьюкса, И. Красова, В. Лешкова, В. В. Низова, Л. О. Плошинского, И. Я. Фроянова¹² участие в выборах рассматривается прежде всего как один из элементов статуса гражданина или социальной группы.

Варшава, 1886; *Он же*. Древние города России. Историко-юридическое исследование. СПб., 1873; *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1894; *Тихомиров Н. М.* Древняя Русь. М., 1975; *Он же*. Россия в XVI столетии М., 1962; *Фетел Д.* Кризис средневековой Руси 1200–1304. М., 1989; *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.–СПб., 1995; *Он же*. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980; *Hughes L.* Russia at the age of Peter the Great. New Heaven and London, 1998; *Шмидт С. О.* У истоков русского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996.

¹⁰ *Александровский Б. И.* Народное правление в древней Руси (Новгород Великий в XII и XIII веках). М., 1906; *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота и ее время. Л., 1980; *Вернадский В. Н.* Господин Великий Новгород. Очерки по истории Новгорода. М.–Л., 1936; *Birnbaum H.* Lord Novgorod the Great. Los Angeles, 1981; *Idem.* Novgorod and Dubrovnik. Two slavic city republics and their civilization. A complete sketch // *Predavanja oddkana ы jugoslavenskoj akademiji svezak 62.* Zagreb, 1989; *Богословский М. М.* Земское управление на Русском Севере в XVII в. В 2 т. М., 1912; *Болховитинов (Евгений).* История княжества Псковского. Киев, 1831; *Грушевский М.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до XIV столетия. Киев, 1891. Репринт 1991; *Крестинин В.* Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792; *Лимонов Ю. А.* Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987; *Мартышин О. В.* Вольный город Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики М., 1992; *Pickhan G.* Gospodin Pskov: Entstehung und Entwicklung eines städtischen herrschaftszentrums in Altrussland. Berlin, 1992; *Подвижна Н. Л.* Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII–XIII в. М., 1976; *Robert M.* The chronicle of Novgorod 1016–1471. London, 1914; *Тараканова С. А.* Древний Псков. М., 1946.

¹¹ *Авалиани С. Л.* Земские соборы. 1) Историография земских соборов; 2) О представительстве на земских соборах XVI и начала XVII в. Одесса, 1910; *Готье Ю. В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. В 2 т. М., 1913, 1924; *Градовский А. Д.* Собр. соч. Т. 8–9. СПб., 1907–1908; *Дитятин И. И.* Из истории местного управления. // *Русская мысль*. 1886. Кн. 4–6; *Он же*. Роль челобитий и земских соборов в управлении московского государства. Ростов-на-Дону, 1905; *Довнар-Запольский М. В.* Вече // *Русская история в очерках и статьях*. Т. 1. М., 1909; *Заозерский А.* К вопросу о составе и значении земских соборов. // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1909. Ч. 21; *Кизеветтер А. А.* Местное Самоуправление в России IX–XIX ст. Исторический очерк. М., 1910; *Он же*. Посадская община в России XVIII ст. М., 1903; *Латкин В. Н.* Законодательные комиссии в России в XVIII ст. Историко-юридическое исследование. СПб., 1887; *Он же*. Земские Соборы Древней Руси, их история и организация сравнительно с западно-европейскими представительными учреждениями. СПб., 1885; *Лихачев Н. П.* Новые данные о земском соборе 1616 г. // *Русский исторический журнал*. 1922. Кн. 8; *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.–Л., 1957; *Он же*. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969; *Поленов Д.* Историческая сведения о Екатерининской Комиссии для сочинения проекта нового уложения. СПб., 1869; *Прозоровский Д. И.* Новые розыскания о Новгородских посадниках. СПб., 1892; *Тихомиров Н. М.* Сословно-представительные учреждения (Земские соборы) в России XVI века // *Вопросы истории*. 1958. № 5; *Чеглоков П.* Об органах судебной власти в России от основания государства до вступления на престол Алексея Михайловича. Казань, 1855; *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII в. М., 1978; *Щапов А. П.* Земский Собор 1648–1649 и собрание депутатов 1767 годов // *Отечественные записки*. 1862. Т. 145; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962.

¹² *Дьячан В.* Участие народа в верховной власти в славянских государствах до изменений их государственного устройства

Некоторые вопросы, имеющие отношение к выборам, содержатся в исследованиях, посвященных конкретным личностям. В процессе реконструкции порядка восшествия на престол, анализа статуса того или иного правителя проблемы выборности так или иначе затрагивались Г. В. Абрамовичем, Б. О'Брайеном, П. Ивановым, Д. И. Иловайским, И. И. Костомаровым, В. В. Назаревским, А. Е. Пресняковым, Р. Г. Скрынниковым и др.¹³

Несколько работ, принадлежащих перу дореволюционных авторов, ставят во главу угла именно выборы, но они затрагивают, как правило, лишь какой-то отдельный аспект института и имеют узкие хронологические рамки. Так, В. П. Алексеев и М. А. Дьяконов избрали предметом исследования процедурные моменты и краткую характеристику круга непосредственных участников выборов Михаила Романова, А. Х. Кабанов и Г. Шмелев – те же аспекты, но в отношении формирования земских соборов, П. Кудряшов, М. А. Липинский, В. И. Сергеевич изучали проблемы, возникшие в процессе выборов екатерининской комиссии 1766 г.¹⁴

Комплексные исследования исторического развития института выборов были проведены недавно. Целенаправленный анализ выборности, практиковавшейся в русском государстве на разных этапах развития, проведен В. В. Луговым и И. В. Зайцевым,¹⁵ хотя, поскольку в издании рассматривается достаточно широкий круг вопросов издания, этот анализ весьма краток. В исследовании затронуты лишь некоторые аспекты института: краткое описание процедуры, без каких-либо обобщений и отдельные характеристики круга избирателей. Сравнительно недавняя работа В. Н. и А. В. Белоновских¹⁶ охватывает более узкие хронологические рамки и с исторических позиций весьма интересна, особенно в отношении роли выборов в обществе. Однако выборы как государственно-правовое явление авторам представить не удалось, а многие попытки дать юридическую оценку того или иного аспекта, в частности принципов выборов или характера средств регулирования выборов, вызывают серьезные возражения.

Настоящее монографическое исследование – попытка оценить историческое развитие института выборов на протяжении тысячелетия как многогранного явления. Оно включает исследование развития процедуры выборов, становления круга участников выборов и анализ избирательных документов.

в XIV и XV веках. Варшава, 1882; *Dukes P.* Catherine the Great and the Russian nobility. A study based on the materials of the legislative commission of 1767. Cambridge, 1967; *Красов И.* Разбор мнений о населении древняго Новгорода. М., 1854; *Пешков В.* Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. СПб., 1858; *Низов В. В.* Социально-политическая борьба в Новгороде во II-й пол. XIII – середине XV в.: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985; *Плошинский Л. О.* Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен. СПб., 1852; *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы М., 1995.

¹³ *Абрамович Г. В.* Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991; *O'Brien B.* Russia under two tsars 1682–1689. The regency of Sophia Alekseevna. Berkeley and Los Angeles, 1952; *Иванов П.* Борис Годунов. М., 1905; *Иловайский Д. И.* Новая династия. М., 2003; *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 3 кн. М., 1990–1992; *Назаревский В. В.* Чтения из истории царствующаго Дома Романовых 1613–1913. Вып. 1–4. СПб., 1911; *Пресняков А. Е.* Российские самодержцы. М., 1990; *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов. М., 1979; *Он же.* Царь Борис и Дмитрий Самозванец. Смоленск, 1997.

¹⁴ *Алексеев В. П.* Вопрос об условиях избрания на царство М. Ф. Романова // Русская мысль. М., 1909. Ноябрь; *Дьяконов М.* Избрание Михаила Федоровича на царство. СПб., 1913; *Кабанов А. Х.* Организация выборов на земские соборы в XVII веке // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1910. Сентябрь. Ч. 29; *Кудряшов П.* Отношение населения к выборам в Екатерининскую комиссию // Вестник Европы. 1909. Кн. 11–12; *Липинский М. А.* Новью данныя для истории Екатерининской комиссии о сочинении проекта новаго уложения // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. Ч. 251; *Сергеевич В. И.* Откуда неудачи Екатерининской комиссии? Историческое изследование // Вестник Европы. 1879. Кн. 1. Т. 1; *Шмелев Г.* Отношение населения и областной администрации к выборам на земские соборы в XVII веке // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском Университете. М., 1909.

¹⁵ Очерки по истории выборов и избирательного права. 1997; С. 393–483.

¹⁶ *Белоновский В. Н., Белоновский А. В.* Представительство и выборы в России. М., 1999.

Понятийный аппарат работы

В данном исследовании, несмотря на его историческую составляющую, используются некоторые понятия и термины современного государственно-правового категориального аппарата. Следует отметить, что содержание, заложенное автором в некоторые понятия, требует особого объяснения. Эта необходимость может быть вызвана, во-первых, отсутствием более или менее удовлетворительного определения данной категории в современной науке или его «расплывчатостью». Во-вторых, необходимость особо оговорить значение понятия может быть продиктована историко-правовым характером работы. Из-за этого некоторые понятия современного избирательного права требуют уточнения с учетом их исторической ретроспективы. В-третьих, особого внимания требует содержание государственно-правовых категорий, сравнительно недавно введенных в оборот и не получивших статуса общепринятых понятий либо имеющих спорный характер.

ВЫБОРЫ в государственно-правовом смысле – институт непосредственной демократии, подразумевающий, что решение по кандидатуре должно приниматься и принимается группой избирателей, сравнимой по числу с количеством полноправных жителей данной территории.

Это толкование понятия выборов следует отличать от выборов-альтернативы. В таком контексте выборы – принятие решения по кандидатуре любыми лицами (или одним лицом), если на данное место предлагается несколько претендентов. В обиходе чаще всего используется именно такое понимание выборов (точнее – выбора), но для государственно-правовой сферы оно неприемлемо. Если понимать выборы как любое решение по нескольким кандидатурам, теряется разница между выборами и назначением.

ОСНОВАНИЯ ВЫБОРОВ – совокупность актов и фактических обстоятельств, с которыми связана необходимость проведения выборов. Они подразделяются на *фактические* основания (обстоятельства, вызывающие выборы – вакансии, учреждение выборного поста и т. п.) и *юридические* основания (акты, объявлявшие о назначении выборов).

ПРОЦЕДУРА, СТАДИИ И ЭТАПЫ ВЫБОРОВ – понятия, связанные с процедурным аспектом института выборов.

Процедура выборов – определенная последовательность действий и мероприятий, направленных на осуществление выборов. В рассматриваемый период порядок проведения действий по реализации выборов либо вообще не регулировался правовыми средствами, либо в равной мере допускал как нормативные, так и неправовые формы регулирования, поэтому термин «процедура выборов» заменяет современное понятие избирательного процесса.

Процедура замещения княжеского или царского престола, архиепископской кафедры, любого городского, сельского или парламентского выборного поста представляет собой совокупность множества последовательных шагов. Шаги, объединенные общей сиюминутной задачей, местом, временем и кругом лиц обозначены как *стадии* процедуры выборов.

Комплекс отдельных действий, выполняющих конкретную более общую, связанную с проведением выборов в целом, задачу и представляющих собой совокупность нескольких стадий, назван в работе *этапом* выборов.

Каждый шаг избирательной процедуры обусловлен как правовыми предписаниями и традициями общественной жизни в целом, так и конкретной ситуацией, которая сложилась на момент проведения выборов. Стадии, которые повторяются в избирательной процедуре независимо от обстоятельств, сопровождающих выборы, обозначены как *обязательные*. Те стадии выборов, которые обусловлены ситуативными обстоятельствами и могут отсутствовать без ущерба для легитимности избирательной процедуры, названы *факультативными* стадиями.

УЧАСТНИКИ ВЫБОРОВ – государственные органы и лица, так или иначе задействованные в выборах, участники любых электоральных отношений.

В работе, как ранее отмечено, используется широкая трактовка категории «участник выборов». Мы включаем в это понятие не только избирателей и избираемых лиц (для удобства они иногда обозначаются как «непосредственные участники выборов»), но и тех, кто принимает решение о выборах, организует голосование и, при необходимости, выезд избранных лиц, отвечает за их регистрацию и утверждение, а также разрешает спорные вопросы, возникшие в процессе выборов.

ТРЕБОВАНИЯ К УЧАСТНИКАМ ВЫБОРОВ – условия, которым должны соответствовать избиратели и избираемые лица. Требования могли быть зафиксированы правом (*правовые требования* или *цензы*) и иметь неправовой характер, исходить из обычаев (*неправовые требования*).

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ – совокупность всех актов как нормативного, так и иного характера, фигурирующих в выборах.

Глава I

Становление выборных начал в истории Русского государства (IX–XV вв.)

§ 1. Общая характеристика выборов в IX–XV вв

В качестве предмета начального этапа исследования можно выделить практику выборов, существовавшую в Русском государстве в IX–XV в. Процедура «призвания» князя, замещения кафедры владыкой и т. п. в это время, безусловно, не слишком похожа на выборы в их современном варианте. Однако между выборами той и другой эпохи есть общие черты.

Показателем, позволяющим относить древнерусское «призвание» к выборам, является то, что решение принималось не одним лицом, не группой должностных лиц, а населением.

В летописных рассказах о «призвании» фигурируют члены общины, именуемые чаще всего по названию города – «новгородцы», «кияне», «полочане» ит. п. Их активная роль очевидна. Так, в 1069 г.¹⁷ жители Киева «...сотвориша вече, послаша к Святославу и к Всеволоду, глаголюще: "пойдите во град отца своего и княжита"...»,¹⁸ в 1095 г. «Новгородцы же идоша к Ростову по Мстислава Володимеричя, поемше же его и ведоша к Новугороду»,¹⁹ в 1177 г. «Ростовци и Суздальци послаша в Новъгород по князя Мстислава Ростиславичя... Володимерци же послаша во град Переаславль... по князя по Всеволода Юрьева сына...».²⁰ Термины, использованные летописцем: «послаша», «посадиша», «пояша себе» подчеркивают значение воли населения при возведении на стол (кафедру, степень) того или иного кандидата.

Организационная форма, посредством которой реализовывалась воля общины – вече. Об этом с очевидностью говорят фразы летописей: в 1069 г. решение о призвании Святослава и Всеволода киевляне приняли, когда «сотворше вече».²¹ Аналогичным образом, судя по летописи, было принято решение и в 1181 г., когда новгородцы «...по своему обычаю Новгородскому сотвориша вече, и даша князю Ярополку Ростиславичю... град Новый Торг...».²²

Не менее весомыми доказательствами важной роли вечевого собрания в выборах являются договоры с приглашенными князьями. В них призванного князя от имени города приветствует вече: «Благословение от владыки, поклон от посадника Гюргя, и от [ты]сячкого и от всех старейших и от всех менших, и [от всего] Новгорода...».²³

Таким образом, признаком наличия выборов в русском государстве в IX–XV в. являлось одобрение кандидатуры будущего должностного лица вечем.

При этом для признания приглашения выборами совершенно необязательно, чтобы вечу предлагалось несколько кандидатур. Главное, чтобы население могло вынести самостоятельное решение, даже отвергнуть нежелательного претендента.

Все остальные элементы процедуры избрания дополняли основную вечевую стадию. Они являлись факультативными в том смысле, что их наличие или отсутствие в каждом конкретном случае не доказывает и не опровергает применения избрания как способа замещения поста.

¹⁷ Датировка событий приведена в соответствии с той летописью, из которой взято описание соответствующего факта.

¹⁸ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 9. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 96.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 9. С. 124.

²⁰ ПСРЛ. Т. 10. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 1.

²¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 96.

²² ПСРЛ. Т. 10. С. 8.

²³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее – ГВНП). Ч. 1. М.-Л., 1949. С. 15.

Вопрос о распространении выборов как способа замещения поста предполагает определение территориальных и хронологических рамок института.

1.1. Хронологические рамки института выборов в Древнерусском государстве

Первая проблема, требующая внимания – это хронологический аспект существования выборов на данном этапе.

Поскольку процесс выборов напрямую связан с вечевыми сходами, наличие или отсутствие последних в конкретный период делало выборы, соответственно, возможными или невозможными. Хронологические рамки выборов напрямую связаны с периодами деятельности веча: если на каком-то этапе вече прекратило свое существование, значит, прекратились выборы.

Определить «дату рождения» веча не представляется возможным: оно «существовало у славян с самой глубокой древности». ²⁴ Как верно заметил М. Ф. Владимирский-Буданов, имея в виду, вероятно, догосударственный этап общественного развития, вече имеет «доисторическое происхождение». ²⁵

Отсюда следует, что «точку отсчета» вечевой деятельности указать невозможно. То же самое можно сказать о «догосударственном» этапе участия населения в формировании родоплеменной власти.

Можно ли определить «дату рождения» выборов?

Установление выборности в литературе чаще всего связывают или с XI или с XII в. Сторонники более поздней датировки (Н. А. Рожков, Б. Д. Греков, Д. А. Введенский, Д. С. Лихачев, В. В. Мавродин, Б. А. Рыбаков, М. Н. Тихомиров и др.), придают огромное значение событиям 1136 г. Именно с ними чаще связывается начало «республиканского строя» в Новгороде, проявившего себя, прежде всего, в выборности князей и иных лиц местного управления.

В. Л. Янин и И. Я. Фроянов указывают более ранний период. Для В. Л. Янина «посадничество нового типа... впервые возникает еще в конце XI в. и, по-видимому, с самого начала является выборным». ²⁶ И. Я. Фроянов рассматривает особенности государственного строя Новгорода через призму защиты от притязаний киевских князей. В качестве «новой фазы становления новгородской республики» ²⁷ он выделяет последнее десятилетие XI в., когда вече изгоняло провинившихся князей и отвергало нежеланного претендента.

Указать точную дату введения выборности в русском государстве затруднительно.

Во-первых, трудности порождены территориальными масштабами применения выборов как способа замещения престола и иных выборных постов.

Практически на всех землях русского княжения рано или поздно прибегали к выборам, так что ответ на вопрос о начале выборов предполагает сравнение электоральной практики различных территорий.

Во-вторых, серьезную проблему представляют датировка возникновения государственности на Руси и вопрос преемственности традиций родоплеменного общества.

Общинное решение по поводу кандидата на определенный пост характерно как для государственного, так и для родоплеменного этапа. В связи с этим требуется определить хронологические границы «государственного» и «догосударственного» этапов, что само по себе представляет предмет особого исследования и до сих пор вызывает множество споров. Можно ли

²⁴ Андреев Н. Н. Киевская Русь. Культурно-исторические очерки России. № 3. СПб., 1910. С. 47.

²⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 75.

²⁶ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 72.

²⁷ Фроянов И. Я. Начала русской истории. Избранное. М., 2001. С. 836.

рассматривать случаи приглашения князя в IX–XI в. как выборы главы государства или все они, или, по крайней мере, те, которые датированы IX в., относятся к «догосударственному» периоду?

Результаты недавних археологических раскопок в старой Ладоге дают основания считать ее стольным городом.²⁸ Принятие во внимание этого факта «сдвигает» «точку отсчета» российской государственности почти на сто лет – к VIII в. Отсюда следует и возможность изменения хронологических рамок выборов.

Если государство существовало в конце VIII – начале IX в., то приглашение Рюрика на новгородский престол можно считать примером выборов на государственный пост. Придерживаясь традиционной датировки возникновения российского государства IX–X в., – приглашение Рюрика невозможно оценить однозначно. Его можно рассматривать и как пример формирования родоплеменной администрации, и как выборы на государственном уровне.

Кроме того, чтобы поиски начальной даты введения выборов имели значение, нужно доказать, что в какой-то период они прекратились. Другими словами, необходимо определить тот момент, когда потеряли силу «догосударственные» выборы. Коль скоро выборы неразрывно связаны с вечем, прекращение деятельности вечевых собраний одновременно означало бы упразднение электоральных основ в государстве.

Некоторые авторы четко указывают хронологические даты «смерти» веча. С точки зрения М. Б. Свердлова, из-за того, что «в IX–X в. простое свободное население было лишено права участвовать в политическом управлении государством, политический институт, посредством которого такое участие осуществлялось, – племенные народные собрания, или вече, исчез».²⁹ Для Н. Н. Андреева вече «умерло на всем пространстве южной и северо-восточной Руси»³⁰ позднее, в период удельной Руси, из-за отсутствия свободных смердов, составлявших основу веча. Интересно отметить, что для некоторых авторов указанный Н. Н. Андреевым период, наоборот, связан с возрождением института веча. М. Д. Приселков считает, что «после смерти Святополка... весьма вероятно, в Киеве воскресла вечевая жизнь»;³¹ для Б. Д. Грекова «подъем значения вечевых собраний падает на вторую половину XI и особенно на XII век».³²

Если вспомнить о неразрывной связи выборов и веча, то период «упразднения» выборов также должен приходиться на X–XI в. Продолжая эту линию, следовало бы признать, что с укреплением государственности в конце XI – начале XII в. выборы вновь стали популярным методом замещения теперь уже государственных постов. Но на каком основании и по какой причине была восстановлена власть общины в «государственную» эпоху?

В отношении Новгорода ревитализация выборов объясняется «антикняжеской» борьбой общины³³ и стремлением «обособиться от Киева, покончить с тягостной зависимостью».³⁴

Согласившись с первым объяснением причины восстановления института выборов, придется игнорировать многие документальные сведения. Картины, рисуемые летописью, зачастую противоречат тезису об антикняжеской борьбе. Летописец утверждает, что новгородцы «не терпяще безо князя седети»,³⁵ хотя им неоднократно предоставлялась возможность самим взять в руки управление. Как справедливо заметил К. С. Аксаков, «Новгород не мог оставаться

²⁸ *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 21; Старая Ладога – Древняя столица Руси, http://www.hermitage.ru/html_Ru/11/b2003/hm11_4_107.html

²⁹ *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 56.

³⁰ *Андреев Н. Н.* Удельная или княжеская Русь. Культурно-исторические очерки России. № 4. СПб., 1910. С. 37.

³¹ *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV в. Л., 1940. С. 41.

³² *Греков Б. Д.* Несколько замечаний о древнерусском вече // Ученые зап. ЛГУ. 1938. Вып. 1. № 19. С. 157.

³³ *Янин В. Л.* Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. Вып. 1. (11). Л., 1982. С. 88.

³⁴ *Фроянов И. Я.* Начала русской истории. С. 833.

³⁵ ПСРЛ. Т.9. С. 165.

без князя. Возьмите Новгородскую летопись, прочтите, с каким ужасом говорит летописец о том, что они три недели были без князя».³⁶ Таких фактов в летописи немало. Поэтому то, что в советской литературе было принято именовать классовой борьбой против феодала-князя, представляет собой, скорее, борьбу против конкретного князя как личности, не удовлетворявшей в данный момент запросам общины.

Приняв второе толкование, связывающее восстановление выборов с желанием обособиться от Киева, трудно будет найти объяснение другим историческим фактам. Стремление к независимости от Киева не объясняет неоднократное обращение новгородцев в столицу за князем. Кроме того, теряется смысл призвания князей в самом Киеве.

По оценке П. П. Епифанова, «... гипотеза о необъяснимом исчезновении вечевых собраний в IX–XI в. имеет свою теоретическую предпосылку... появление княжеской власти, государства, само по себе автоматически и немедленно уничтожает всякие следы народной самостоятельности... Но это представление ошибочно...».³⁷

Схема, включающая «смерть» и «воскрешение» выборов представляется сомнительной. Думается, что и в переходную, и в «государственную» эпоху выборы на вече не были упразднены. Порядок управления был преемственным, и они сохранялись как один из возможных вариантов формирования теперь уже государственной власти. Одно только указание разных дат «смерти» и «возрождения» веча уже дает основания усомниться в реальности факта прекращения деятельности веча и последующего его восстановления. Кроме того, летописи, характеризующие данный этап, пестрят многочисленными упоминаниями о вече.

Представляется, что идея о ликвидации и восстановлении веча порождена, прежде всего, своеобразием самого института. Вечу не свойственны ни периодичность созыва, ни постоянство состава, характерные для современного государственного органа. Поэтому факт эволюции некоторых характеристик веча еще не означал его ликвидацию и возрождение. Так, М. Ф. Владимирский-Буданов настаивал лишь на изменении основных характеристик веча. Он выделил в истории развития народных собраний три исторических этапа. Первому соответствовало народное собрание в форме племенной сходки. На втором этапе (IX–X в.) «вече находится в процессе перехода от племенного собрания к городскому».³⁸ Наконец, третий этап вечевых собраний (XI–XIII в.) – это, по мнению автора, «эпоха полного выделения этой формы власти в самостоятельную (как собрание простых граждан) и полного развития ее прав».³⁹

Но эволюция веча и ее отражение в институте выборов свидетельствовали скорее об их приспособлении к политическим реалиям, нежели о «смерти» и «воскрешении». Коль скоро факты свидетельствуют о наличии вечевых собраний, значит, сохраняется и возможность выборов как одной из функций веча.

Принимая за основу тезис об эволюции вечевых собраний, можно объяснить многие события, происшедшие задолго до «официального» введения выборов.

Имеются в виду как неоднозначные факты, подобные призванию Рюрика или вокняжению в Новгороде Владимира Святославича, так и события, которые напрямую свидетельствовали о применении выборов. В частности, в 1068 г. киевляне «послаша к Святославу и к Всеволоду».⁴⁰

В 1024 г. «прииде Мстислав из Тмутаракани к Киеву, и не приаша его Киене», а в 1095 г. «прииде Изяслав... к Мурому; и приаша и Муромци».⁴¹ Не менее важны и косвенные

³⁶ Аксаков К. С. Поли. собр. соч. Т. 1. М., 1861. С. 10.

³⁷ Епифанов П. П. О древнерусском вече // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. История. 1963. № 3. С. 15.

³⁸ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 76.

³⁹ Там же. С. 77.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 9. С. 96.

⁴¹ Там же. С. 78, 124.

свидетельства: в 1078 г., расхваливая незлобивость Изяслава, летописец восклицает: «Колико ему зла сотвориша Киене: самого выгнаша...».⁴² Очевидно, что именно население принимало одних правителей и отвергало и изгоняло других.

Думается, что в обоих случаях имело место вечевое собрание по поводу претендента на стол. При этом надо учитывать, что в этот период стол необязательно должен быть вакантным. Таким образом, предположив, что за данными решениями стоит вече, можно сделать и другой вывод – что были проведены выборы, закончившиеся одним случае благоприятно, в другом – нет.

В отношении местных властей, как и в отношении князя, справедливо мнение о преемственности института выборов из догосударственной практики.

Вряд ли можно с уверенностью сказать, что «с конца 80-х гг. XI в. по решению веча из числа бояр стали выбирать главу местного самоуправления – посадника...».⁴³ В реальности на протяжении довольно длительного периода времени замещение посадничего поста осуществлялось посредством двух альтернативных способов: назначение и выборы сменяли друг друга. «Вече овладевает правом избирать посадника постепенно» – отмечал М. Ф. Владимирский-Буданов.⁴⁴

Анализируя причины и способы смены посадников, Д. И. Прозоровский указал на различные варианты замещения этого поста не только в XI, но и в начале XII в.: «... в 6627 (1119) году умер посадник Коснятин Мосътовиц... а в следующем году "приде Борис посадничать в Новгород". Не сказано: откуда он прибыл, но, вероятно из Киева... из чего можно заключить, что один из посадников назначался великим князем. В 6634 (1126) году "в даша посадничество Мирославу Гюрятиницю". Это, вероятно, был посадник выборный... По всей вероятности Мирослав недолго посадничествовал..., потому что в 6636 (1128) году посадничество дано... Завиду Дмитровицу... После Завида, кажется, не было выбора, потому что в 6637 (1129) году "въниде из Киева Данил посадничать Новугороду"...».⁴⁵ По расчетам В. И. Сергеевича «в начале XII в. еще встречаем случаи назначения князем новгородского посадника, но с 1130 г. устанавливается постоянная практика назначения посадника новгородским вечем».⁴⁶

Но даже признание в качестве основного способа выборного замещения должности с 1130 г. отнюдь не перечеркнуло более раннюю практику, когда выборы чередовались с назначением, поэтому начинать отсчет с 1130 г. было бы некорректно.

Применительно к должности тысяцкого довольно длительное время выборы также перемежались назначением.

Первые упоминания в летописи о «тысяче» и ее предводителе относятся к 1089 г., но, видимо, сам институт гораздо старше. Не имея точных сведений о порядке замещения должности, большинство авторов презюмируют назначение: «В связи с Новгородом тысяцкий впервые упоминается в летописях под 1138 г. Но это был еще княжеский тысяцкий...».⁴⁷ Как отмечает В. В. Луговой, выборы тысяцкого «начали проходить с конца 80-х гг. XII в.».⁴⁸ Е. А. Рыбина указывает чуть более поздний срок: «... первым выборным новгородским тысяцким был Миронег, или, иначе Милонег, которого новгородская летопись знает как строителя церкви св. Вознесения и в известии об ее освящении в 1191 г. называет Миронег тысяцким».⁴⁹ Но указывает

⁴² Там же. С. 109.

⁴³ Луговой В. В. Выборы в средневековом Новгороде // Очерки по истории выборов и избирательного права. 1997. С. 224.

⁴⁴ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 89.

⁴⁵ Прозоровский Д. И. Новые розыскания о Новгородских посадниках. С. 4.

⁴⁶ Институт выборов в истории России. С. 52.

⁴⁷ Мартышин О. В. Вольный Новгород. С. 201.

⁴⁸ Луговой В. В. Выборы в средневековом Новгороде. С. 230.

⁴⁹ Рыбина Е. А. О двух древнейших торговых договорах Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 3 (13). Л., 1989. С. 44.

мые даты строятся в большей мере на предположениях авторов. Принимать их как достоверные хронологические рамки введения выборности вряд ли оправдано.

Что касается времени введения выборности нижнего уровня – сотских и старост, вопрос о «дате рождения» теряет смысл. Как заметил И. Д. Беляев, «они по времени учреждения своего были самыми древними выборными начальниками в Новгороде, конечно бывшими еще до приглашения Рюрика с братьями». ⁵⁰ Выборные власти характеризовали общинное, волостное устройство еще в «догосударственную» эпоху.

Единственный пример сравнительно точного временного критерия связан с замещением архиепископской кафедры. Точкой отсчета практики выборов епископа (позднее – архиепископа) считается 1156 г.: «с этого года по смерти владыки Нифонта, епископы Новгородские сделались выборными от веча». ⁵¹ Заключение о введении выборности в данном случае можно сделать лишь благодаря тому, что этот пост не имел корней в «догосударственном» обществе.

«Верхний предел» существования веча связан с вопросом о самостоятельности городов.

По распространенному в литературе мнению, «...вечевой порядок на севере России, в Новгороде и Пскове, просуществовал до начала XVI в.». ⁵²

Имеются в виду события 1510 г., когда по требованию великого князя Василия Ивановича сняли вечевой колокол в Пскове, и чуть более раннюю, в 1478 г., ликвидацию новгородской вольности, воплощенную, по описанию летописца, в заявлении князя Ивана Васильевича: «вечю колоколу во отчине нашей в Новгороде не быти, посаднику не быти, а государство все нам держати». ⁵³

Является ли эта дата, соответственно, и верхней границей периода существования выборности в русском государстве?

В конце XIII–XIV в. практика княжеских выборов несколько отличалась от «призвания» князя в IX–XII в. Отбор кандидатуры будущего новгородского князя с середины XIII в. практически был предрешен приобретением великокняжеского статуса. Однако говорить об отсутствии выборов в это время было бы неверно. Засвидетельствованные документально споры между великими князьями, недовольство новгородцев великокняжескими ставленниками, необходимость «укрепления» великого князя на новгородском столе позволяют считать, что выборность еще не была ликвидирована.

Во-первых, великий князь обязательно должен был «укрепиться» в Новгороде. Так, «великий князь Михаиле Ярославич тферьский прииде из Орды и седе на великом княжении Владимире» в 1305 г., и лишь спустя два года он «...седе... в Новгороде на столе в неделю на сбор святых Отец...». ⁵⁴

Во-вторых, новгородцам приходилось выбирать и воевать за своего князя в случае спора за великое княжение. Так, новгородцы твердо стояли за Юрия Даниловича Московского, хотя Михаил Ярославич Тверской тоже имел титул великого князя и неоднократно силой добивался от новгородцев его подтверждения.

Последний всплеск активности новгородцев в призвании правителя связан с заключением договора с литовским князем. Неудачная попытка вспомнить о своем праве заменить одного князя другим «на всей своей воле» фактически стоила Новгороду свободы. Эти события можно рассматривать как свидетельство ликвидации института выборов правителя в Новгороде. Чуть позднее эта политика была распространена на территорию Пскова.

⁵⁰ Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М., 1905. С. 27.

⁵¹ Там же. С. 21.

⁵² Романовский В. Е. Государственные учреждения Древней и Новой России. М., 1911. С. 260.

⁵³ ПСРЛ. Т. 6. Софийская летопись. СПб., 1853. С. 215.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 39. Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. М., 1994. С. 97.

Расправа с последним избранным вечем новгородским архиепископом Феофилом в 1480 г. завершила процесс ликвидации выборных начал в общегосударственном масштабе.

Поскольку описанные выше события относятся ко второй половине XV в. (1471–1480 гг.), можно констатировать, что ликвидация вечевой практики и выборности в общеземельном масштабе по времени практически совпадали.⁵⁵

Таким образом, верхней границей раннего периода существования выборов можно считать последнюю треть XV в. Несмотря на заверения Р. Г. Скрынникова, что «едва ли можно говорить о вырождении боярско-вечевой республики»,⁵⁶ приходится признать, что к этому времени выборность на общетерриториальном уровне была практически ликвидирована. Основная причина, которая вынуждает нас сделать подобный вывод – община уже была не настолько сильна, чтобы отвергнуть московского князя и навязываемых им кандидатов во властные структуры.

Выборность в масштабах улиц и сельских общин была сохранена на последующих этапах развития общества. Например, «Память» царя Бориса Годунова, датированная 1602 г., была адресована «негородским пятиконецким старостам».⁵⁷

1.2. Территориальные масштабы применения выборов

Выборы в русском государстве IX–XV в. для многих ассоциируются, прежде всего, с Новгородом и Псковом: «Новгородский тип правления постоянно отличался самым широким применением выборного начала в управлении Новгородским миром».⁵⁸

Следует отметить, что широкие полномочия веча, а также выборный характер органов власти довольно часто влекут неоправданное противопоставление «феодальной боярской республики», «независимой боярской республики»⁵⁹ в Новгороде и Пскове «монархиям» в других землях.

Так, по мнению С. Н. Азбелева, Новгород «... в течение ряда столетий был центром могущественной республики, единственной на Руси...».⁶⁰ Этот тезис практически неизменно включается в научные труды и учебные издания: «Особый режим правления сложился в *Новгороде и Пскове*, являвшихся в отличие от других русских земель и княжеств *феодальными республиками* – уникальными для феодального строя государственными образованиями с самобытным вечевым устройством»;⁶¹ «По форме организации политической власти – форме правления – Великий Новгород являлся аристократической феодальной республикой»⁶² и т. д. Эта позиция общепринята, но не бесспорна. Еще в середине XIX в. Л. О. Плошинский верно заметил, что «не только на севере, но даже и во внутренней и южной частях... в городах, состав-

⁵⁵ А. С. Хорошев называет более позднюю дату – конец 80 – х гг., т. к. связывает вопрос о самостоятельности Новгорода не с принесением присяги новгородцами великому князю, а с конфискациями земель новгородских бояр и житейных людей. См.: Хорошев А. С. Отечественная историография о падении Новгородской вечевой республики // Русский город. Вып. 8. М., 1986. С. 63.

⁵⁶ Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 29.

⁵⁷ Феодальная деревня Московского государства XIV–XVI в. М.-Л., 1935. С. 91.

⁵⁸ Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. С. 17.

⁵⁹ Андреев В. Ф. О происхождении новгородских пятин // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 180; Гневущев А. М. Падение Великого Новгорода // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. Т. 2. М., 1910. С. 50; Данилова Л. В. Становление системы государственного феодализма в России: причины, следствия // Система государственного феодализма в России. Сб. статей. Вып. 1. М., 1993. С. 52; Лебедев В. И. История СССР до XIX века. М., 1945. С. 88; Лихачев Д. С. «Софийский временник» и Новгородский политический переворот 1136 года // Исторические записки. 1948. № 5. С. 242; Kaiser Daniel H. The growth of the law in Medieval Russia. Princeton, 1980. P. 106 и др.

⁶⁰ Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 3.

⁶¹ Омельченко Н. А. История государственного управления в России. М., 2005. С. 104.

⁶² Стещенко Л. А., Шамба Т. М. История государства и права России. Академический курс. В 2 т. Т. 1. V – начало XX в. М., 2003. С. 128.

ляющих наследственные владения Князей Рюрика дома... народ везде имел обыкновение принимать посредством вече участие в делах общественных...».⁶³ И. Линниченко, критикуя Д. Я. Самоквасова за представление Киева «чистой монархией», а Новгорода – «чистой демократией», заметил: «Едва ли бы г. Самоквасов пришел к своим выводам, еслибы рассмотрел все время вечевой жизни и Киева и Новгорода; он бы встретил в первом во 2-ой половине XII в. неоспоримые факты призвания князя... с другой стороны он увидел бы и в Новгороде период, когда его политическая свобода и права были нисколько не шире, чем свобода Киева за период первых сильных киевских князей».⁶⁴

Исторические факты и многочисленные исследования свидетельствуют о том, что избрание как один из вариантов замещения поста применялось не только в новгородских землях.

Так, традиционно относимая к монархиям киевская земля неоднократно практиковала действия, характерные для республиканской формы правления: в 1069 г., оставшись без князя, киевляне «...сотворите вече, послаша к Святославу и к Всеволоду»,⁶⁵ приглашая их в город; невзлюбив навязанного князем Всеволодом Игоря, киевляне «послашася к Переяславлю к Изяславу, рекуче: «поиде, княже, к нам, хочем тебе».⁶⁶ По свидетельству Лаврентьевской летописи в 1133 г. Ярополк занял киевский стол благодаря тому, что «люде бо Кыяне послаша по нь».⁶⁷

Базируясь на многочисленных летописных свидетельствах аналогичного характера, М. С. Грушевский подсчитал, что «в период до монгольского нашествия мы имеем около пятидесяти смен князей на Киевском столе и около сорока до 1202 г., к которому относится последнее известие о деятельности киевской общины. За это время... община принимала участие в смене князей около четырнадцати раз, при этом кандидат получил стол исключительно по инициативе общины три или четыре раза».⁶⁸

И. Линниченко, анализируя мнения нескольких дореволюционных авторов по поводу замещения киевского престола Владимиром Мономахом, писал: «Почти все историки, за исключением г. Самоквасова... видят в приглашении Владимира осуществление народного права призвания князя, «первую серьезную попытку решения веча»... Действительно, по родовым счетам Владимир не имел на Киевский стол никакого права и не видеть в приглашении Владимира народного права призвания князя можно только при полном увлечении стремлением доказать во что-бы то ни стало Киевскую монархию в отличие от Новгородской республики...».⁶⁹ Как прямые, так и косвенные указания на активную роль общины в призвании правителей на киевский стол позволяют согласиться с мнением М. К. Каргера, что «...князья, занимая киевский стол, были обязаны не только считаться с мнением Киевского веча, но и порой именно от него получать княжение...».⁷⁰

Активную роль в замещении княжеского стола, по летописи, неоднократно играли общины Переяславля, Владимира, Галича, Друцка, Полоцка, Смоленска, Ростова и др.

Так, в 1144 г., воспользовавшись отъездом князя Владимира на охоту, галичане возвели на стол Ивана Ростиславича и даже «всю неделю бишася по Иване» с дружиной Владимира. «В данных событиях, – как отмечают И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко, – обращает на себя внимание еще один факт: галичане приглашают князя из пригорода Звенигорода, т. е.

⁶³ Площинский Л. О. Городское или среднее состояние русскаго народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен. С. 72.

⁶⁴ Линниченко И. Вече в Киевской области. Киев, 1881. С. 4.

⁶⁵ ПСРЛ. Т.9. С. 96.

⁶⁶ Линниченко И. Вече в Киевской области. С. 37.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846. С. 132.

⁶⁸ Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до XIV столетия. С. 308.

⁶⁹ Линниченко И. Вече в Киевской области. С. 29–30.

⁷⁰ Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 1. М.-Л., 1958. С. 272.

распоряжаются галицким столом по собственному усмотрению». ⁷¹ Позднее летописец отметил еще один подобный шаг галицкой общины. В 1189 г. «послашася Галичкыйи мужи к Ростиславу к Берладничичю, зовуще его в Галич на княжение». ⁷²

Определенные элементы выборности можно отметить и на примере приглашения полоцкого князя в 1127 г., когда «...Полочяне сътоснувшеси выгнаша Давыда и с сынъми, и поемше Рогволода идоша ко Мстиславу, просячи его себе князем». ⁷³ Это событие и ряд более поздних фактов явно противоречат практике передачи власти по наследству. Несколько преувеличив его значение, М. В. Довнар-Запольский написал: «Полоцк со своими многочисленными пригородами по отношению к своим князьям занял такое же положение, как и Новгород: изгнание князей и водворение новых было здесь делом обычным...». ⁷⁴ Однако можно согласиться с утверждением М. Н. Тихомирова, что в середине XII в. полоцкие князья уже зависели от веча. ⁷⁵

Судя по летописным данным, выборы князей проводились и в других городах. В 1175 г. жители Смоленска «выгнаша от себе Романовича Ярополка, а Ростиславича Мстислава въведоша Смоленску княжить», ⁷⁶ в 1298 г. проняне «взяша к себе Изяслава...» взамен бежавшего князя. ⁷⁷ Жители Ростово-Суздальских земель в 1157 г. «...здумающе вси, пояша Андрея... и посадиша и в Ростове на отни столе и Суждали». ⁷⁸ После смерти Андрея им снова пришлось решать вопрос «по кого послем да княжить у нас?... да убо послем ко князю Рязанскому Глебу, сие глаголюще: Бог взял господина нашего князя и ныне хошем да шурья твоя княжать у нас...». ⁷⁹ Очевидно, что и в том, и в другом случае речь идет о призвании, т. е. о выборах князя. При этом, по наблюдениям М. В. Довнар-Запольского, «в том, что жители сами наметили себе князя и выбрали, не было ничего необычного: как и в других землях, так и в Суздальской земле, народное вече привыкло обсуждать этот вопрос, раз преемник не был намечен при жизни...». ⁸⁰ В 1177 г. волею жителей были посажены сразу два князя – Мстислав Ростиславич в Ростов и Всеволод Юрьевич во Владимир. Стремясь разрешить противоречия с Мстиславом Ростиславичем, Всеволод прямо сослался на волю горожан, признавая тем самым приглашение князя законной процедурой замещения престола: «...тебе привели Ростовци к себе княжити, княжи убо у них в Ростове; а мене привели Владимирци княжити у них, и мне буди Владимир...». ⁸¹

Можно лишь предполагать, сколько подобных фактов летописцем пропущено или допускает альтернативное толкование. Например, что именно – наследование или выборы – скрывает описание «...прииде Изяслав... ис Курска к Мурому; и приаша и Муромци». ⁸² Скорее всего, хотя эта фраза и не свидетельствует напрямую о применении выборов, но подразумевает их, акцентируя внимание на активной роли общины. Отрицательное отношение общины к пришедшему могло стоять ему стола: в 1023 г. «прииде Мстислав изо Тмутаракани к Киеву, и не приаша его Киене; он шед седе на столе в Чернигове». ⁸³

Приведенные факты вполне согласуются с мнением, что вечевой строй нельзя считать специфической особенностью некоторых городских общин, которые были выделены в само-

⁷¹ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 135.

⁷² ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1843. С. 138.

⁷³ ПСРЛ. Т. 9. С. 155.

⁷⁴ Довнар-Запольский М. В. Вече. С. 229–230.

⁷⁵ Тихомиров М. Н. Древнерусские города // Учен. зап. МГУ. 1946. Вып. 99. С. 203.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 2. С. 117.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 10. С. 56.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 1. С. 149.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 9. С. 252.

⁸⁰ Довнар-Запольский М. В. Вече. С. 227.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 2.

⁸² ПСРЛ. Т. 9. С. 124.

⁸³ Там же. С. 78.

бытную группу и названы «вечевыми» – Новгорода, Пскова и Вятки. По крайней мере, до XIV в. этот уклад был общерусским, и вече функционировало в разных русских городах. Аналогичным образом и выборы, по крайней мере княжеские, нельзя считать исключительной прерогативой Новгорода и Пскова, хотя, безусловно, именно электоральной практике этих городов мы обязаны значительной частью сведений.

§ 2. Основания и порядок проведения выборов в IX–XV вв

Следует признать, что в каждом случае приглашения князя, избрания владыки, посадника, тысяцкого и т. п. были свои нюансы. Но при всем многообразии форм проведения выборов можно выделить некоторые закономерности, свойственные избирательным процедурам любой русской территории в любое время в рамках обозначенного периода. Для этого необходимо детальное исследование различных вариантов порядка проведения выборов, начиная от первых шагов и до завершающих действий.

2.1. Основания и процедура княжеских выборов в IX–XV вв

Процесс избрания князя в Русском государстве в IX–XV в. обозначался в летописях как приглашение или призвание. Этот процесс вполне можно назвать выборами, хотя, разумеется, он существенно отличался от современной электоральной процедуры.

Срок правления князя был неопределенным. Иногда он исчислялся несколькими днями («седев точию двадесять дний на великом княжестве в Киеве»),⁸⁴ а иногда десятилетиями («Седе же сей князь Изяслав...на княжении в Киеве лет 29...»).⁸⁵ Поэтому говорить о периодичности выборов и определенном времени их проведения нет смысла. Единственное, чем определялось время выборов – это появлением необходимости в новом князе. Разумеется, разрешение данной ситуации было возможно и иными путями, например, посредством захвата или наследования. Но в соответствии с предметом исследования внимание будет направлено на замещение путем выборов.

Необходимость в приглашении на княжение другого правителя могла быть следствием различных ситуаций. Эти ситуации можно объединить в четыре вида *фактических оснований*, влекущих за собой необходимость избрания князя.

Освобождение престола – это наиболее часто упоминаемое документальными источниками основание выборов. Можно выделить несколько причин, которые могли повлечь освобождение княжеского стола:

а) смерть, ухудшение здоровья и постриг князя.

Об этой причине освобождения княжеского престола летописец упоминает довольно часто: «...и взяла его болезнь крепка зело, в ней же и преставися князь Мстислав, сын Ростиславль... Новгородци же посадиша у себя в Новгороде на княжении брата его князя Ярополка...»,⁸⁶ «Мстиславу же хотящу стрелити, и внезапно ударен бысть под пазуху стрелю... и на ту ночь умре...»;⁸⁷

б) насильственное смещение другими кандидатами на престол.

Эта причина может повлечь за собой освобождение стола. Так, в 1168 г. «...князь велики Киевский Мстислав Изяславич... выгна из Киева дядю своего князя Владимира Мстиславичя; он же иде в Половцы, а Мстислав седаше в Киеве».⁸⁸

Правда, эта ситуация чаще всего означала не выборность нового правителя а, скорее, захват престола более сильным претендентом;

в) уход правителя как добровольное сложение полномочий, когда князю ничто не мешало остаться правителем.

⁸⁴ Там же. С. 163.

⁸⁵ Там же. С. 109.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 10. С. 6.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. 9. С. 136.

⁸⁸ Там же. С. 236.

Так, например, сложилась ситуация в 1225 г.: Михаила Черниговского новгородцы «много уимаша его молящися, и не могоша умолити его»⁸⁹ остаться. Несмотря на уговоры и приязнь новгородцев, он, как сказано в летописи, ответил им: «не буди вам гнева имети на меня о сем, яко не хошу у вас княжити в Новеграде, иду убо к Чернигову»⁹⁰ и покинул новгородскую землю;

г) замена князя или его «вывод» старшим родственником.

В этом случае вакансия вызвана действиями третьей стороны. Например, в 1117 г. Владимир Мономах «выведе... сына своего Мстислава из Новаграда и посади его в Белеграде, а в Новеграде седе Всеволод Мстиславичь».⁹¹ Аналогичным образом спустя много лет, в 1295 г., поступил и великий князь Всеволод, когда «присла... в Новгород и рече: «Тако в земли вашей ходит рать, а сын мой, а ваш князь мал; даю вы сын свои старейшии, князь Костянтин». И прииде в Новгород князь Костянтин Всеволодичь».⁹² В этом случае, как и при насильственном смещении, избрание – не слишком частый способ замещения стола. Но если введенный по инициативе старшего родственника правитель должен был перед «настолованием» получить одобрение населения, замена предусматривала выражение воли горожан;

д) изгнание правителя недовольным населением.

Документальные источники довольно часто ссылаются на недовольство жителей территории как на причину освобождения престола. Факт недовольства мог быть выражен как напрямую, так и косвенным путем, с помощью образного выражения «изгнаша» или «выгнаша»: «... прислаша новгородци к князю Ондрею Юрьевичю, просяще оу него сына княжити. А Святослава Ростиславича выгнаша...»; «Новгородци выгнаша от себе из Новагорода князя своего Ивана...».⁹³

Эту причину освобождения стола чаще всего подчеркивают сторонники уникальности новгородского строя. Но ее нельзя назвать бесспорным доказательством ни республиканской формы правления в Новгороде, ни уникальности новгородских обычаев.

Во-первых, эта причина выборов – не единственная в новгородской практике, хотя и часто встречающаяся.

Во-вторых, данная причина освобождения престола была свойственна не только Новгороду. Судя по летописям, от своих вполне здоровых и желающих остаться правителей избавлялись и жители других городов: «Смольняне выгнаша от себе Романовича Ярополка»; «выгнаша Олга из Галича»; «выгнаша князя Владимира Мстиславича из Случьска», в Друцке «Глеба Ростиславича выгна, и двор его разграбиша горожане»⁹⁴ и т. д. Так что считать способными на изгнание князя лишь новгородских жителей неверно.

е) отстранение князя по решению населения.

В отличие от упомянутого ранее изгнания, князю не «указывали путь», т. е. не изгнали за пределы своей общины. Зачастую правителя, наоборот, насильно удерживали в городе: в 1135 г. князя Всеволода Мстиславича осудили и держали под стражей более двух месяцев «дондеже ин князь будет».⁹⁵ В некоторых случаях неугодного князя даже отправляли в заключение: в 1159 г. «...Новгородци поимаша князя своего Святослава Ростиславича, и послаша его в заточение в Ладогу...».⁹⁶

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 10. С. 93.

⁹⁰ Там же. С. 92.

⁹¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 150.

⁹² ПСРЛ. Т. 39. С. 69.

⁹³ ПСРЛ. Т. 39. С. 61; Т. 10. С. 9.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 2. С. 117, 136; Т. 9. С. 229, 211.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 9. С. 159.

⁹⁶ Там же. С. 216.

Иногда столь жестким мерам предшествовал вечевой суд над князем. Князь, смещенный в результате вечевого решения, уже не являлся правителем, поэтому престол можно было считать свободным.

Предложенная классификация причин вакантности престола в известной мере условна. Часто события разворачивались таким образом, что выделить одну движущую силу невозможно. В них переплеталось несколько факторов, результатом действия которых становилось освобождение стола.

Так, уход князя с престола мог не столько быть следствием личного желания, сколько провоцироваться внешними обстоятельствами и угрозой со стороны другого претендента. Например, узнав, что к Новгороду с воинством двинулся разгневанный Александр, его брат предпочел «выбежа из Новагорода».⁹⁷ В 1285 г. «князь велики Дмитрей Александрович, внук Ярославль, съвокупи силу многу, хотя ити ратью на меншаго своего брата на князя Андрея Александровичя Городецкаго. Он же убояся и Новагорода ему съступися...».⁹⁸ В аналогичную ситуацию попал и галицкий князь Роман, который был вынужден бежать, поскольку его конкурент Владимир с помощью венгерского войска осадил город. Но, как верно оценили ситуацию И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко, «бегство Романа было обусловлено не только внешней угрозой, но и неустойчивостью его положения в Галиче».⁹⁹ И в некоторых других случаях смещение неугодного горожанам правителя происходило с помощью воинской силы князя-соперника. Именно такой комплекс причин, по-видимому, действовал в 1146 г.: «...успе вечным сном князь великии Киевский Всеволод... И взыде по нем в Киев на великое княжение брат его Игорь Олгович, и не угодно бысть людем, и послаша в Переаславль ко князю Изяславу, сыну Мстиславлю... сице глаголюще: «поиди к нам, княже, в Киев на великое княжение, понеже вси убо тебе хоцем на великом княжении видети в Киеве». Изяслав... поиде с дружиною своею из Переаславля к Киеву... Князь велики же Киевский Игорь Олгович з братом своим Святославом, и з бояры и со всеми воинствы идоша противу князя Изяслава... и устрашишася и смятошася вся воинства их и сам князь велики Игорь и брат его Святослав, и побегоша...».¹⁰⁰

Иногда князья принимали решение уйти из города, не дожидаясь неизбежного и скорого изгнания. Например, в 1220 г. «...новгородци возхотеша изгнати от себе князя своего Всеволода Юрьевичя; сия же князь Всеволод Юрьевичь слышешев, и утаився от Новгородцев, побеже от них из Новаграда нощию со всем двором своим».¹⁰¹

Еще один вариант – сочетание недовольства населения с волей старшего родственника. В этой ситуации вывод князя старшим родственником мог быть вызван его непопулярностью у общины. Так, в 1200 г. «начяша Новгородци совет творити, еже изгнати им князя своего Ярослава Владимеричя с княжения из Новагорода; и приела по него князь велики Всеволод».¹⁰²

Наконец, освобождение престола могло быть следствием изгнания, но изгнания не вследствие антипатий горожан, а вынужденного приводящими факторами: «вся Русь преклонила перед Андреем и Новгород ни откуда не получал хлеба... Это заставило новгородцев покориться. Храбраго князя своего, Романа, который защищал Новгород, прогнали...».¹⁰³

Появление другого претендента на престол – основание выборов, отличающееся от первого тем, что процесс выборов нового князя начинался тогда, когда престол еще был занят прежним правителем.

Можно выделить несколько вариантов приглашения без вакансии.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 10. С. 140.

⁹⁸ Там же. С. 165.

⁹⁹ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. С. 143.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 9. С. 168–169

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 87.

¹⁰² Там же. С. 32.

¹⁰³ Александровский Б. И. Народное правление в древней Руси (Новгород Великий в XII и XIII веках). С. 46.

Во-первых, так складывалась ситуация, если имели место поиски нового князя после выражения недовольства прежним правителем.

Внешне этот вариант напоминал освобождение престола из-за отстранения князя от власти. Но при отстранении население осуждало князя и смещало с престола до призвания нового правителя, а при наличии второго основания жители искали и приглашали кандидата на занимаемый неудобным князем престол. Приведенный ранее пример с выводом Ярослава Владимировича старшим родственником в другом варианте летописи выглядит несколько иначе: «Тое же осени приидоша Новгородци... к великому князю Всеволоду с челобитием и с молбою и з дары многими от всех Новгородец, глаголюще: «отчина твоя и дедина Новъгород Великий просит у тебе сына княжить Новугороду»». ¹⁰⁴ Таким образом, Ярослав все еще оставался новгородским князем, а послы новгородцев уже просили Всеволода отпустить к ним сына на княжение.

Во-вторых, прежнего правителя могли сместить, поскольку свою кандидатуру предложил другой князь.

В данном случае процесс «приглашения» начинался уже после прихода претендента. Так, Глеба Ростиславича изгнали тогда, когда в 1158 г. к Друцку, в поисках «себе волости» пришел Рогволод Борисович и «нача слатися ко Дрючаном». ¹⁰⁵ Судя по описаниям летописца, население не высказывало недовольства и не изгоняло Глеба, пока не подвернулся, на их взгляд, лучший правитель.

Третье основание – *временное отсутствие князя*. В этом случае, как и в предыдущем, новый князь приглашался на занятый престол. Отличие состоит в том, что был занят он формально, поскольку реально правитель в стольном городе отсутствовал.

Отсутствие правителя, который возглавил бы оборону города, зачастую вынуждало население обратиться к другим князьям: в 1157 г. «...печялни быша кыяне, зане оу них не бе никакова князя. И послаша епискупа Демьяна Каневского ко Изяславоу Давыдовичю, ркоуще: «Поиде х Киевоу, а то не возмоут нас половци"». ¹⁰⁶

Иногда поиски замены временно отсутствовавшему князю объяснялись не столь уважительными причинами. Например, в 1144 г. галичане, воспользовавшись тем, что их князь Владимир был далеко на охоте, пригласили («введоша к собе в Галич») княжить Ивана Ростиславича.

Особая ситуация – когда князь заранее просчитывал вероятность собственной смены. Так, Юрий Смоленский, покидая город в 1404 г., велел смольнянам: «Ждите меня до трех сроков, а за тем на вашей воле». ¹⁰⁷ Если бы жители Смоленска выполнили его волю, а не предались Витовту, то причиной выборов стало бы наступление заранее оговоренного князем срока.

Выделение нового или восстановление ранее имевшегося стола – последнее фактическое основание выборов князя.

По данным Б. А. Рыбакова, в середине XII в. существовало 15 княжеств; в начале XIII в. – около 50, а в XIV в. вследствие тенденции к образованию самостоятельных княжений «число великих и удельных княжеств достигало примерно 250». ¹⁰⁸

Конечно, рост числа независимых княжеств еще не означал, что на столько же увеличилось количество столов. В большинстве «старых» городов столы распределялись между многочисленными княжескими родственниками. Удел в этом случае формировался путем приобретения имеющимся столом статуса независимого. Но города «молодые», а также и «старые»,

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 10. С.32–33.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 9. С. 211.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 39. С. 61.

¹⁰⁷ Летописец, содержащий в себе Российскую историю от 6360/852 до 7106/1598 года Тоесть По кончину Царя и Великаго Князя Феодора Иоанновича. М., 1781. С. 104.

¹⁰⁸ Злато слово. Век XII. М., 1986. С. 153.

имевшие статус пригородов, своего стола, как правило, не имели. Для них первым шагом к самостоятельности была замена наместника князем: «Как только город поднимался до значения самостоятельной политической власти, он мог призвать себе особаго князя...». ¹⁰⁹ Например, в 1137 г. «притязания на самостоятельность псковская община выразила учреждением в своем городе княжеского стола и приглашением на этот стол новгородского изгнанника». ¹¹⁰ Во второй половине XII в., хотя и временно, княжеским столом обзавелся Торжок, в 1124 г. – Звенигород и др.

Сходные процессы происходили в тех землях, которые когда-то имели княжеский стол, например, в Новгороде до ухода Олега.

* * *

Итак, выборы князя инициировались необходимостью нового правителя. Эта необходимость могла быть как реальной, вызванной отсутствием или осуждением князя, так и фиктивной, т. е. когда выборы начинались при имеющемся правителе. Каждая из перечисленных ситуаций достаточно часто могла разрешаться и другими способами – замещением престола посредством передачи по наследству, насильственным захватом или своеобразным «назначением» правителя его старшим родственником. Но с равной, а в некоторых землях и с большей вероятностью, следствием освобождения престола, временного отсутствия правителя, а в особенности недовольства населения были выборы нового князя.

Конкретные причины выборов порождали некоторую вариативность процедуры призвания князя.

Многообразие форм процедуры «призвания» князя в Русском государстве в IX–XV вв. не позволяет говорить о единообразном, унифицированном порядке проведения выборов. Однако некоторые действия в большей или меньшей степени характерны для всей практики выборов князя в данный период времени. Они, в свою очередь, могут быть сгруппированы в несколько этапов, свойственных процессу призвания князя.

Такие шаги, как решение вопроса об изгнании (недовольстве, замене и т. п.) и приискание (согласие принять) нового князя, почти всегда предпринимались на вече. В соответствии с этим фактом можно выделить в качестве центрального, решающего этапа *вечевой этап* призвания князя.

Некоторые действия, связанные с приглашением правителя, выполнялись еще до созыва веча. Совокупность таких действий можно обозначить как *подготовительный этап*.

Практически всегда, даже если князь находился у ворот города, к нему отправлялось *посольство*, передававшее приглашение. Эти действия также заслуживают выделения в самостоятельный этап.

Наконец, въезд нового князя в город сопровождался ритуальными действиями, «укрепляющими» его на столе. Эти действия составляли *заключительный этап* призвания князя.

Подготовительный этап выборов

Первый, подготовительный этап выборов заключался в решении вопроса о приемлемых кандидатурах на княжеский престол. Этот вопрос решался посредством стадии **выдвижения** кандидата.

¹⁰⁹ Градовский А. Д. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1899. С. 352.

¹¹⁰ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 337.

Процесс выдвижения кандидатуры нового правителя мог протекать в форме внутритерриториального или внешнего выдвижения.

К внутритерриториальной форме выдвижения относились те ситуации, когда инициатива принадлежала жителям и группам населения той территориальной общины, которая нуждалась в правителе.

Наиболее признанным в литературе вариантом в отношении Новгорода считается выдвижение кандидатуры князя осподой. Не меньше оснований считать, что активная роль в процессе выдвижения кандидатуры князя принадлежит «старцам градским», или старейшинам. Во всяком случае, в «старых» городах влияние старейшин на политические процессы территории позволяет презюмировать их активное участие в выдвижении.

Возможно и такое развитие событий, при котором кандидатура нового князя обсуждалась отдельными группами населения. В отличие от перечисленных выше вариантов, выделение этого способа выдвижения имеет под собой некоторую документальную базу. В частности, в летописи есть упоминание о неких тайных собраниях горожан «по дворам», на которых обсуждались и предлагались кандидатуры князей взамен правящим: «... начата Новгородци вече деяти, втайне, по двором, на князя своего на Святослава на Ростиславича»;¹¹¹ «Новгородци со Псковичи... здумавше тайно заклинающесе изгнати от себе из Новагорода князя Святослава Олговича, и взяти опять себе в Новгород князя Всеволода». ¹¹² В. П. Алексеев называет их «предварительным вечем». ¹¹³ Кроме того, он упоминает и о другом варианте предварительного веча – «веча концов, предшествовавшия общему большому вечу всего города». ¹¹⁴

Внешняя форма выдвижения подразумевает те ситуации, в которых инициатива выдвижения принадлежала «посторонним» общине людям – самому претенденту на престол, его родственнику и т. п.

Если фигура нового правителя выдвигалась его родственником или союзником, подготовительный этап предполагал факультативные элементы стадии выдвижения. Они заключались в решении князя и посольстве с предложением конкретной кандидатуры. Так, в 1225 г. великий князь Юрий Всеволодович через своих посланников – «мужа своего Ивана Верха и княжь Михайлова Всеволодичя тысячцаго Романа» – предложил новгородцам: «возмите у мене на княжение в Новьгород шурина моего князя Михаила...». ¹¹⁵

Когда свою кандидатуру на замещение престола предлагал сам претендент, предшествующая вече процедура напоминала самовыдвижение: в 1158 г. «иде Борисович Рогволод от Святослава Олговича искати себе волости... пришед же к Случьску, и начата слатися ко Дрючаном». ¹¹⁶

Еще один способ «внешнего» выдвижения кандидатуры наметился в конце XIII в. В это время сложилась практика, согласно которой новгородским правителем признавался лишь тот, кто имел статус великого князя. Не случайно в рядной записи 1371 г. новгородцы предупредили князя Михаила Александровича: «А вынесут тебе из Орды княжение великое, нам еси князь великий; или паке не выне[су]т то[б]е княжения велико[го из] Орды, поити твоим наместникам из Новагорода проць и из новгородских пригородов, а в том Новугороду измены нету». ¹¹⁷ Таким образом, вече по выборам князя предшествовало получение ярлыка на великое княжение.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. 2. С. 97

¹¹² ПСРЛ. Т. 9. С. 160.

¹¹³ Алексеев В. Народовластие в Древней Руси. Ростов-на-Дону, 1904. С. 24.

¹¹⁴ Там же. С. 24.

¹¹⁵ ПСРЛ Т. 10. С. 89.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 9. С. 211.

¹¹⁷ ГВНП. Т. 1. С. 30.

Несмотря на различие способов выдвижения, их роднит общее назначение – быть подготовкой к основной ступени, решению вопроса на вече.

Вечевой этап выборов

Решение вопроса о замещении той или иной должности в наибольшей степени зависело от вечевого постановления и в меньшей – от иных этапов процесса выборов. Поэтому вопрос о принятии вечевого решения можно считать краеугольным камнем исследования проблемы выборов.

Прежде чем рассматривать вечевой этап процедуры избрания князя, следует определить, что конкретно имеют в виду, когда говорят о вече.

Фактически все исследования по данной проблеме с большей или меньшей степенью конкретизации предоставляют либо широкое, либо узкое толкование данного понятия. «Пробный камень» в определении позиции того или иного исследователя – содержание понятия «вече». Широкая трактовка называет вечевыми все народные сходы, независимо от их организационных или каких-либо иных особенностей. Сторонники узкой трактовки считают, что не все упоминаемые документами сходы можно считать вечевыми, а вечевые сходы, в свою очередь, не всегда «законны».

Большинство исследователей (М. В. Довнар-Запольский, А. Лимберт, В. И. Сергеевич, И. Я. Фроянов, А. Ю. Дворниченко и др.) полагают, что и прямые указания летописи, такие, как «...сътвориша вече на торговище...», «заутра вече бысть»,¹¹⁸ и некоторые другие фразы летописца («...начиша Новгородци совет творити» и «...снидошася Новгородци»¹¹⁹) обозначают одно – вече. «Без всякаго сомнения, места летописи, где помянуто слово «вече» не единственные факты вечевой жизни, – подчеркнул И. Линниченко, – Таких мест в летописи даже сравнительно мало; по большей части выражения летописи указывают или на результат вечевого собрания (напр. послаша, позваша), или же на совещание народа... но без упоминания слова вече напр. сдумавше Киане».¹²⁰

Кроме того, как ранее упоминалось, о вече говорят и все случаи возведения князей на стол населением, обозначенные в летописи термином «посадиша», «пояша себе» и т. п.

Узкая трактовка предполагает, что вечем летописец именовал разные государственные формы: «термин «вече» в памятниках применяется не к этому одному предмету: иногда он имеет значение всякого сборища или толпы...».¹²¹ Ю. А. Лимонов, анализируя применение в летописи терминов «ростовци», «суздальци», «владимирци», указывает, что они «могут обозначать вече, вечников, коммунальные органы власти, выборных от них и даже городское ополчение».¹²²

Разделяя «веча» на непосредственно народные собрания, государственные органы и «всякие сборища», сторонники данной точки зрения дают неоправданно узкую трактовку его содержания.

Другой аспект той же проблемы – деление вечевых собраний на законные и незаконные.

Сторонники такого разделения определяют законность веча, руководствуясь самыми различными критериями – организационным, территориальным, представительным. Например, К. А. Неволин и И. Д. Беляев¹²³ увязывали законность или незаконность веча с его организаци-

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. 9. С. 95; Т. 10. С. 101.

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. 10. С. 32, 86.

¹²⁰ Линниченко И. Вече в Киевской области. С. 5.

¹²¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 74–75.

¹²² Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 120.

¹²³ Неволин К. А. Полн. собр. соч. Т. 6. СПб., 1859. С. 112; Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. С. 36.

онным аспектом. «Законное» вече с необходимостью должно быть созвано в специально предназначенном месте («Ярославли Дворе» или «у Святой Софии»), инициатива должна исходить от властей («созывать его законно могли только Князь и Посадник»),¹²⁴ а сбор обеспечивали биричи и подвойские.

Действительно, данные археологических раскопок свидетельствуют, что чаще всего общегосударственные вопросы рассматривались на Ярославовом дворе: «...Ярославово Дворище стало вечевой площадью, где более трехсот лет собирались новгородцы для решения своих дел...».¹²⁵ О традиционности этого места для созыва веча можно судить по документам: «От посадника Великаго Новагорода... и от всего Великаго Новагорода на вече на Ярославле дворе...»; «...се покончаша... весь государь Велики Новгород на вече на Ярославле дворе»; «Г-дну посаднику новгородцкому Василию Микитину тысяцкому Новгородцкому Ова Степановичю и всему гдну Великому Новугороду на веце на Ярославле дворе...».¹²⁶

В других городах в силу немногочисленности данных традиционные места сбора веча выделить сложнее. Вероятно, это были площади перед церквями: например, в Переяславле ради князя Ярослава Всеволодовича переяславцы собрались к святому Спасу.¹²⁷

Однако вече могло изменить место традиционного сбора. Так, киевляне, помимо обычно практикуемого веча в самом Киеве, иногда собирались под Угорским, под Вышгородом и у Туровой божницы. Несмотря на необычное местоположение, эти собрания, по мнению И. Я. Фроянова и А. Ю. Дворниченко, вполне можно обозначать как вечевые.¹²⁸ В Новгороде вече могло собраться не только на Ярославовом дворе, но и «на поле» и «оу святого Николы».¹²⁹ Не созывая людей в одно определенное место, а в особом порядке – по дворам – новгородцы собирали вече в 1170 г.: «... начата Новгородьци вече деяти, втайне, по двором...».¹³⁰ Вече 1185 г. смольняне созвали в походных условиях, под Треполем.

Приведенные примеры совершенно недвусмысленно иллюстрируют весьма важный вывод: связывать вопрос о законности или даже само понятие веча с определенным местом его проведения нет никаких оснований.

О. В. Мартышин определяет правомерность веча, прежде всего, по его составу.¹³¹ Этой версии будет уделено внимание при исследовании круга участников выборов.

Думается, ни организационные, ни качественные характеристики народных собраний нельзя считать обязательным признаком законности веча. Вероятнее всего, разработка определенных требований к вечевому собранию, нарушение которых означает, что вече будет незаконным, либо вообще потеряет право называться вечем, объясняется желанием подогнать вече под современные рамки. Желание далеко не новое, поскольку еще В. И. Сергеевич и М. В. Довнар-Запольский оценивали его как продукт своего времени.¹³² Кроме того, определенность состава и организационных характеристик присуща скорее государственному органу. Вече хотя рассматривается в литературе обычно как «орган республиканского самоуправления»¹³³ –

¹²⁴ Неволин К. А. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 112.

¹²⁵ Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. М., 1967. С. 26.

¹²⁶ Памятники истории Великаго Новгорода/Под ред. СВ. Бахрушина. М., 1909. С. 36; Российское законодательство X–XX в. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984; С. 304; Шахматов А. А. Исследование о Двинских грамотах XV в. СПб., 1903. С. 146.

¹²⁷ ПСРЛ. Т. 1. С. 175.

¹²⁸ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. С. 62.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 9. С. 74; Т. 39. С. 87.

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 2. С. 97.

¹³¹ Мартышин О. В. Вольный Новгород. С. 182.

¹³² Довнар-Запольский М. В. Вече. С. 242.

¹³³ Pickhan G. Gospodin Pskov: Entstehung und Entwicklung eines städtischen herrschaftszentrums in Altrussland. С. 187.

не государственный орган, а институт непосредственной демократии древнерусского государства.¹³⁴

Вечевой этап начинался **со сбора жителей на вече.**

Порядок созыва вече считается установленным: «Сигналом к общегородскому вечу служил клич бирючей или бой особого колокола, не похожий на звук остальных церковных колоколов».¹³⁵ Судя по описаниям летописи, применялись обе процедуры. Иногда документы напрямую указывают на колокольный звон как на сигнал к вечевому сбору: «ударяша в колоколы, и стаща вечием», «зазвониша в вече у святей Софии».¹³⁶ Но чаще в отношении созыва вече в Новгороде и в других городах летописец применял слова «созвав», «створиша» или «собрав». Правда, на основании преобладания одного словосочетания над другим нельзя делать вывод о преимущественной форме созыва.

Определенного времени сбора не было. Иногда летописец упоминал утро как время сбора: «заутра же събрав останок Новгородцев, и сотвори Ярослав вече...».¹³⁷ Безусловно, это было более разумно, поскольку некоторые вопросы можно было решить за один день. Но вряд ли этот факт можно расценивать как обязательный момент организации вечевого схода. Иногда в силу каких-то причин, например, из-за желания скрыть факт вечевого сбора, вече проводилось и в совершенно неурочное время: «Том же лете начата Новгородци вече деяти, втайне... на князя своего на Святослава на Ростиславича. И приехавше на Городище приятели его, начата поведати: «княже! Деют людье вече *ночь (курсив мой. – И. М.)*, а хотят тя яти" ...».¹³⁸

Еще менее были формализованы такие вопросы, как продолжительность и периодичность вече.

В одних случаях решение принималось быстро. Так, в 1342 г. созыв вече на Ярославом дворе и у святой Софии, отправление владыки к властям, пленение инициаторов софийского вече – все эти события, как говорит летопись, «бысть до обеда».¹³⁹ В другом случае решение вопроса занимало значительно больше времени: «...и тако быша вече по всю неделю».¹⁴⁰ Например, в 1384 г. в Новгороде по делу князя Патрикия вече созывалось ежедневно в течение двух недель.

Что касается периодичности вечевых собраний, то, судя по документам, созывались они не в определенный период, а по мере надобности.

В вечевом этапе выборов можно выделить несколько стадий. Обязательными шагами вечевого этапа были такие стадии, как предложение кандидатуры князя, ее обсуждение и принятие решения.

Предложение кандидатуры князя на вече – это выдвижение, но озвученное на вечевом сходе. Например, после смерти Андрея Юрьевича на вече во Владимир в 1175 г. собрались владимирцы, ростовцы и суздальцы. Предметом вече был вопрос – «по кого хотим послати в своих князьях?». Учитывая формулировку вопроса, можно предположить, что готового решения не было. Очевидно, именно вечу предстояло отобрать подходящих кандидатов и сделать выбор между ними.

Принимая во внимание имеющиеся сведения о вечевой деятельности, мы считаем неоправданным ограничивать право предложения кандидатуры какой-либо особой группой,

¹³⁴ Миннирес И. В. Древнерусское вече – государственный орган или институт непосредственного народовластия? // Вопросы правоведения. Вып. 4. Иркутск, 1999. С. 3–6.

¹³⁵ Луговой В. В. Выборы в средневековом Новгороде. С. 232.

¹³⁶ ПСРЛ. Т. 10. С. 214.

¹³⁷ ПСРЛ. Т. 9. С. 74.

¹³⁸ ПСРЛ. Т. 2. С. 97.

¹³⁹ ПСРЛ. Т. 10. С. 214.

¹⁴⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.-Л., 1950. С. 59.

будь то «боярская группировка», «партия» или оспода. Видимо, любой участник веча мог вынести на обсуждение общины имя приемлемого кандидата.

Сразу следует оговориться, что если основанием замены являлось недовольство населения, то решение о смещении прежнего и выдвижение кандидатуры нового князя обычно реализовывалось одновременно: «Того же лета выгнаша от себе из Новагорода Новгородци князя своего Святослава, сына Олгова..., седевши в Новегороде на столе два лета и 5 месяцев, и послаша в Суждаль по князя Ростислава...».¹⁴¹

Стадия обсуждения и принятия решения – центральная стадия процедуры выборов князя.

Форма реализации этой стадии до конца не определена. Порядок работы веча неоднократно обсуждался в литературе. Существует, по меньшей мере, два подхода к этому вопросу.

Первый подход подчеркивает анархический характер работы веча: «...ни собрание веча, ни порядок решения дел на вече не были строго определены», – считал М. В. Довнар-Запольский.¹⁴² Аналогичный вывод сделал и В. О. Ключевский: «На вече по самому его составу не могло быть ни правильного обсуждения вопроса, ни правильного голосования».¹⁴³ Это мнение разделяют другие исследователи: «...Определенного, строгого порядка не было, не было ни очереди голосов, ни формулировки резолюций, ни вотума. В случае разногласий, а особенно в разгар борьбы партий, совещания принимали совершенно беспорядочный характер, и решения не выносились правильно, а выкрикивались».¹⁴⁴

Единственное, что, по мнению С. Шпилевского, могло влиять на порядок деятельности вечников, это их статус: «Перед... лучшими людьми простые люди младшие черные, смерды не могли возвышать голоса, их не стали бы слушать».¹⁴⁵ Думается, что нельзя принять это ограничение, поскольку летописец иногда противопоставлял мнение черных и «нарочитых» людей. Как верно отметил В. И. Сергеевич, «...очень понятно, что боярам, людям состоятельным и умудренным опытом старцам, принадлежало на всяких сходках первое место. Но это не значит, что они имели на вече лучшее право, чем остальные люди. Право у всех было равное, и каждый говорил или молчал по своему усмотрению».¹⁴⁶ Аналогичную позицию занимал В. Е. Романовский. Он просто указал на важную роль стариков и «лучших людей» в совещаниях, не настаивая на их особых привилегиях.¹⁴⁷

Второй подход заключается в делении вечевых собраний на упорядоченные и неупорядоченные. Сторонники этой точки зрения (А. В. Арциховский, В. В. Луговой, Н. Л. Подвигина и др.) относят к первым веча с определенным регламентом и порядком принятия решения: «Обычное вече выглядело как «вполне упорядоченное совещание», проходящее с соблюдением... правил».¹⁴⁸ Но, поскольку летописец часто рисовал картину противоположного характера, В. В. Луговой признает, что «в экстраординарных случаях (в моменты бедствий и возмущений) они (веча – примеч. мое. – И. М.) являли собой неуправляемую стихию, толпу, кричащую на разный лад».¹⁴⁹ Интересно отметить, что и упорядоченное, и стихийное собрание автор, не сомневаясь, называет вечем. Это означает, что регламент, который характерен для «обычного» веча, зачастую не соблюдался, но решение все-таки принималось и имело закон-

¹⁴¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 161.

¹⁴² Гневущиев А. М. Господин Великий Новгород // Русская история в очерках и статьях. Т. 1. М., 1909. С. 381.

¹⁴³ Ключевский В. О. Соч. Т. 2. М., 1957. С. 69.

¹⁴⁴ Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. С. 202–203.

¹⁴⁵ Шпилевский С. Об участии земщины в делах правления до Иоанна IV // Юридический журнал издаваемый П. А. Салмановым. 1861. № 5. Январь. С. 221.

¹⁴⁶ Институт выборов в истории России. С. 37.

¹⁴⁷ Романовский В. Е. Государственныя учреждения Древней и Новой России. С. 252.

¹⁴⁸ Луговой В. В. Выборы в средневековом Новгороде. С. 222.

¹⁴⁹ Там же.

ную силу. Другими словами, различия в процессе формирования приемлемого для всех решения не влияли на его законность.

Относительно процесса принятия решения позиции исследователей во многом сходны с теорией «упорядоченных» и «неупорядоченных» собраний. Основываясь на фрагментах берестяных грамот с написанными на них именами, некоторые авторы делают вывод о возможном голосовании при помощи своеобразных берестяных «бюллетеней». «В условиях вечевого строя органы власти в Новгороде были представительными, – отмечает В. Л. Янин, – избирались посадники и тысяцкие, архиепископы и архимандриты, кончанские, уличные и купеческие старосты, сотские. Возможно, одно из свидетельств таких выборов и дошло до нас...».¹⁵⁰ По мнению Н. Л. Подвигиной, «вряд ли при широком распространении грамотности в Новгороде важные вечевые решения принимались... примитивным способом. Это наверняка должно было происходить организованно, возможно, и путем голосования».¹⁵¹ Можно согласиться с автором по поводу грамотности новгородцев, но трудно предположить, какие еще организованные способы принятия решения на вече, кроме «возможного» голосования, имеет в виду Н. Л. Подвигина. Иные варианты, которые большинство авторов рассматривает как реальные и очень распространенные (например, вооруженное столкновение вечников), вряд ли можно отнести к организованным способам.

Думается, что сама практика вечевых собраний противоречила идее бюллетеней.

Во-первых, изготовление достаточного числа бюллетеней требовало времени, а вече могли собираться «наутро» или сразу по возникновению проблемы.

Во-вторых, должно было сохраниться большее количество грамот с именами. Но материальных носителей, свидетельствующих в пользу данного взгляда, явно недостаточно. Его сторонники сами указывают, что археологические материалы дают лишь «некоторые основания»¹⁵² считать возможным голосование бюллетенями.

В-третьих, трудно себе представить вече «на поле», в котором участники пользуются бюллетенями.

Кроме того, голосование при помощи бюллетеней предполагало существование определенной избирательной системы. Это, в свою очередь, делало бессмысленным многодневное обсуждение проблемы: если существовали бюллетени, достаточно проголосовать, чтобы снять вопрос. Еще менее логичны случаи «кулачного» решения вечевых проблем.

Вряд ли стоит связывать процедуру голосования на вече с бюллетенями. Более того, само голосование часто рассматривается как атрибут более поздней стадии развития государства, а до этого, как заметил М. Н. Петров, «голосований в нашем смысле слова не производилось».¹⁵³ Безусловно, если трактовать понятие голосования предельно широко, включая в некую «открытую форму голосования», предложенную А. В. Белоновским, поднятие рук, возгласы, «силовые приемы, в том числе кулачным боем, потасовкой между размежевавшимися группами»,¹⁵⁴ то любое движение можно считать голосованием, но это совершенно неверно.

Если князь, предложенный вечникам, был популярен у общины, проблем, как правило, не возникало. Но как решался вопрос, если горожане не отдавали явного предпочтения никому из претендентов? Учитывая, что «порядок вечевых собраний уже сам собой показывает, что

¹⁵⁰ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1998. С. 166.

¹⁵¹ Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII–XIII в. С. 105.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Петров М. Н. Городское самоуправление в России // Сборник муниципальных знаний. Факультет административно-организационный. Вып. 3. Петроград, 1918. С. 17.

¹⁵⁴ Белоновский А. В. Выборные начала и формирование представительства земских соборов (XVI–XVII в.): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1999. С. 16

для определения вечевого решения не мог быть применяем счет голосов»,¹⁵⁵ возможным было различное развитие событий.

Ситуация первая: спорящие группировки могли собраться в разных местах. Каждое вече принимало собственное решение. В этом случае все зависело от количества и настроения соперников. Вполне мог разгореться вооруженный конфликт. В Новгороде «после бурных прений оба веча сходились на Волховском мосту, соединявшем обе стороны, и вступали в настоящую битву».¹⁵⁶ Наглядная картина такого конфликта дана в летописи под 1384 г.: «Прие[ха]ша городчане Ореховци и Корельский ж жалобю к Новугороду на князя Патракия, и князь Патракии подъя Славно и смоути Новегород. И стаха Славляне по князи, и поставиша вече на Яро-славли двори, а другое вече оу святеи Софьи, обои во оружьи, аки на рать, и мост великий переметаша...».¹⁵⁷ Иногда, особенно при воздействии третьих сил (обычно в лице князя или владыки), окончательное решение выносило одно из вечевых собраний.

Второй вариант развития событий – решение принималось на одном вече той стороной, которая в данный момент имела значительное преимущество. В 1359 г. Славенскому концу удалось навязать городу своего посадника, поскольку они «пришли на вече в доспехах, отчего и сумели быстро разогнать безоружных заречан».¹⁵⁸ Правда, судя по дальнейшим событиям, победа Славенского конца оказалась временной, как и принятое им решение.

Третья ситуация – окончательное решение принималось не сразу, но, по-видимому, одним общим вечем в результате длительных обсуждений (возможно, и физического воздействия). В Новгороде в 1220 г. «...целую неделю продолжались веча в городе. Наконец, дело пришло к концу: все граждане сошлись «однодушно» и целовали крест».¹⁵⁹

Вряд ли можно говорить о какой-либо конкретной и постоянной избирательной системе применительно к определению итогов вечевого сбора. Но можно заключить, что вопрос о кандидатуре победителя в вечевом сходе предполагает два варианта ответа: либо решение принималось единогласно, либо допускалась победа в соответствии с мнением большинства вечников.

Если все горожане единодушно сходились в своих симпатиях к одному правителю, никаких вопросов об определении итогов не возникало. Но такая картина была скорее исключением, нежели правилом. Как решался вопрос, если предполагаемый князь не был одинаково популярен у всех жителей? Обязательно ли единогласие при вынесении каждого вечевого решения о призвании?

В. Дьячан ответил на этот вопрос положительно;¹⁶⁰ В. В. Луговой считает, что «изгоняя или призывая князей, горожане обычно были единодушны».¹⁶¹ М. Ф. Владимирский-Буданов настаивал на том, что единогласие требовалось «в принципе»,¹⁶² хотя на практике не всегда достигалось. Аналогичный тип единогласия предложен в работах А. М. Гневушева, М. Н. Петрова, М. Дьяконова. Последний считал этот вариант более вероятным, поскольку «невозможно было отличить единогласное мнение от мнения подавляющего большинства в народной толпе».¹⁶³

¹⁵⁵ Довнар-Запольский М. В. Вече. С. 237.

¹⁵⁶ Андреев Н. Н. Вечевая Русь или Вольный город Новгород Великий. Культурно-исторические очерки России. № 5. СПб., 1912. С. 49.

¹⁵⁷ ПСРЛ Т. 4. Новгородская четвертая летопись. Ч. 1. М., 2000. С. 339.

¹⁵⁸ Мартышин О. В. Вольный Новгород. С. 183.

¹⁵⁹ Довнар-Запольский М. В. Вече. С. 231.

¹⁶⁰ Дьячан В. Участие народа в верховной власти в славянских государствах до изменений их государственного устройства в XIV и XV веках. Варшава, 1882. С. 93.

¹⁶¹ Луговой В. В. Выборы в средневековом Новгороде. С. 230.

¹⁶² Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 80.

¹⁶³ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. С. 101.

Многие исследователи придерживаются мнения, что вопрос о кандидатуре на престол мог быть решен и большинством голосов. О такой возможности, в частности, писал Б. И. Александровский: «...для того, чтобы состоялось известное решение необходимо было согласие всех или по крайней мере подавляющего большинства, которое могло бы заставить смолкнуть всех разномыслящих».¹⁶⁴ С ним солидарен Н. Н. Андреев, который указывает, что «не существовало и подсчета голосов, и большинство определялось на глаз. Решения выносились только в том случае, если была уверенность, что за ним стоит действительное большинство не только тех, кто присутствует, но и тех, кого нет на вече».¹⁶⁵ Аналогичное мнение высказано Н. Л. Подвигиной: «Для принятия того или иного решения необходимо было, чтобы оно одобрилось большинством голосов»¹⁶⁶ и составителями энциклопедии «Святая Русь»: «для решения требовалось или единогласие, или такое подавляющее большинство, при котором протест меньшинства не имел бы значения».¹⁶⁷ Несколько иную позицию занимали В. П. Алексеев и М. В. Довнар-Запольский. В их трактовке отсутствует понятие большинства, но порядок принятия решения аналогичен описанию Б. И. Александровского: «Вся суть в том, что решение должно было быть принято таким количеством участников веча, которое могло бы настоять на его исполнении. Понятия большинства древнерусское вече не имело; под «одиначеством» разумеется не согласие всех, а окончательное решение, при котором несогласные принуждены к согласию, или не приняты в расчет».¹⁶⁸

Подобное решение вопроса представляется вполне вероятным. Трудно предположить, что все вечевые решения были единодушными.

Можно привести ряд аргументов, косвенно свидетельствующих о возможности решения веча не «в один голос». Например, причиной конфликта Новгорода с великим киевским князем Всеволодом в 1140 г. было то, что вече дважды меняло свое решение по поводу кандидата на новгородский стол. Вначале им стал сын Всеволода. Но когда приглашенный правитель пустился в дорогу и «уже минуя Чренигов», новгородское вече вынесло новое решение и заявило Всеволоду: «...не хотим сына твоего княжити у нас в Новгороде».¹⁶⁹ Наконец, «паки, здумавше» новгородцы просят у Всеволода его шурина, князя Святополка. Столь резкое изменение позиции новгородцев свидетельствует о наличии разных группировок, каждая из которых имела свой взгляд на личность правителя. При этом перевес одной над другой должен был быть не слишком значительным, иначе не удалось бы так резко поменять пристрастия в столь короткий срок.

Еще одно свидетельство летописи, имеющее характер косвенного доказательства – вече 1016 г. На нем новгородцы заявили своему князю Ярославу, что наутро все они выйдут против Святополка, а того, кто не захочет, «сами потнем», т. е. заставят пойти. Этот факт можно толковать двояко: как свидетельство или обязательности единогласия, как это сделал М. А. Дьяконов,¹⁷⁰ или, что представляется более верным, того, что единогласия на вече не было. Коль скоро понадобилось принуждение не желавших участвовать в походе, значит, на вече таковые были, причем не согласные с решением большинства, иначе бы вопрос о принуждении не стоял.

Независимо от того, каким образом было принято решение, оно означало одобрение предложенной вече кандидатуры и продолжение процесса княжеских выборов.

¹⁶⁴ Александровский Б. И. Народное правление в древней Руси. С. 11.

¹⁶⁵ Андреев Н. Н. Вечева Русь или Вольный город Новгород Великий. С. 48.

¹⁶⁶ Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого. С. 106.

¹⁶⁷ Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. М., 2002. С. 107.

¹⁶⁸ Александровский Б. И. Народное правление в древней Руси. С. 11.

¹⁶⁹ ПСРЛ. Т.9. С. 165.

¹⁷⁰ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. С. 102.

Посольство с предложением занять престол

Посольство – обычный этап призвания князя на правление. Почти всегда более или менее подробное описание выборов правителя указывало, что после «сдумаша» горожане «послаша» или «идоша» за избранным князем: «... и идоша лучшие мужи с посадником с Мирошкою и с Михалком ко Всеволоду Юрьеву сыну Долгорукаго, и даде им сына своего князя Святослава княжити у них в Новгороде».¹⁷¹ Даже если на вече присутствовали посланники князя, приглашение на престол, как правило, передавали не они, а городская депутация.

Этап посольства включал передачу приглашения и его принятие. Иногда в это же время послы **приносили присягу** от имени города. Кроме того, возможно на данном этапе было **повторное посольство** после **повторного веча**. Эти стадии имели факультативный характер и были необходимы лишь в случае **отказа приглашенного князя принять престол**.

Посольство к князю выполняло двойную роль. Во-первых, оно информировало князя или его старшего родственника о решении веча. Во-вторых, послы рассматривались как «глас народа», как полноправные представители городской общины. Именно в этом качестве они представляли перед князем, и именно им было дано юридическое право передать князю приглашение веча. Этим официальное посольство отличалось от отдельной группировки, желавшей видеть на престоле своего ставленника, что имело место в 1137 г., когда «...прииде князь Всеволод Мьстиславич в Псков, хотя сести в Новгороде опять на столе своем, позван отаи новгородскими моужи и плесковичи».¹⁷²

Роль представителей городской общины была особенно важна в тех ситуациях, когда посланники **приносили присягу князю** еще до его прибытия в город. Например, в 1200 г. великий князь Всеволод «утвердив Новгородцев крестом честным на всей на своей воли, и дасть им сына своего Святослава, еще мала суша».¹⁷³ Иногда посольство выступало в качестве гаранта благонадежности горожан: в 1139 г. «послаша Новгородци в Киев к великому князю Всеволоду Олговичю Киевскому, просяще у него брата его Святослава Олговича княжити у них в Новгороде, а дети своя в заклад прислаша...».¹⁷⁴

Приглашение адресовалось либо самому князю, либо его старшему родственнику. Последнее отнюдь не означало, что приглашенный недееспособен. Им мог быть и вполне взрослый человек (например, Александр, которого просили у его отца новгородцы в 1241 г., уже отличился в Невской битве). В этом случае, возможно, спрашивали и его согласия, хотя внешне решение отдавалось на откуп старшему родственнику. Очевидно, из-за этого в одних случаях послы говорят «поиди к нам» (так, в 1176 г. «Володимерци же, укреплещеся межи себе, послаша по Михалка к Чернигову, ркуше: «ты еси старейший в братии своей; поиди к Володимерю»¹⁷⁵); а в других «дай нам...» (например, в 1140 г. новгородцы дважды обращались в Всеволоду с просьбами: вначале просили «дай нам сына своего Святослава», а затем «дай нам шурина своего, князя Святополка Мстиславича»¹⁷⁶).

Соответственно адресатам строилась и формулировка приглашения. Вероятнее всего, она включала ритуальную и информативную часть. Приглашение начиналось с приветствия, возможно, сходного с начальным текстом рядных грамот. Эта часть приглашения обозначала адресата и, скорее всего, его семью. Вторая часть, информативная, содержала приглашение на

¹⁷¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 33.

¹⁷² ПСРЛ. Т. 39. С. 59.

¹⁷³ ПСРЛ. Т. 10. С. 32–33.

¹⁷⁴ ПСРЛ. Т. 9. С. 165.

¹⁷⁵ Там же. С. 254.

¹⁷⁶ Там же. С. 165–166.

престол. Эта часть, скорее всего, имела свободную форму. Например, посланники от Друцка так пригласили князя Глеба Ростиславича: «поиди, княже, не стряпая, рады есмы тебе, аще ли будет брань, то и з детми бьемся за тя».¹⁷⁷ Вряд ли эта формула являлась обычной для приглашения.

Скорее всего, послов не снабжали письменными грамотами, приглашение передавалось устно.

В большинстве случаев, как явствует из летописи, названный вече́м князь *соглашался принять престол*. При успешном окончании миссии послов они вместе с новым правителем возвращались в город.

Другой, хотя и не частый, вариант – *отказ приглашаемого князя принять княжеский престол*: «Новгородцы же послаша в Переяславль по князя по Дмитрея Александровичя... он же отречеса».¹⁷⁸

Чтобы не получить отказ, горожане зачастую принимали особые меры. Так, в 1215 г. новгородцы послали «в Владимир к великому князю Юрию Всеволодичю и в Переяславль, еже на Клещине озере, зовуще к себе в Новьгород князя Ярослава Всеволодичя, и о семь молящеса князю великому Юрию Всеволодичю, дабы брата своего Ярослава понудил к ним ити в Новьгород на княжение».¹⁷⁹

Как продолжалась процедура выборов в случае отказа приглашенного князя?

Во-первых, могло быть назначено **повторное посольство** с более авторитетными участниками. Этот порядок был характерен для тех случаев, когда город нуждался именно в данном конкретном правителе. Так, новгородцы, находясь в сложных внешнеполитических условиях, хотели залучить к себе именно Александра. Поэтому, получив отказ на первое приглашение, «новгородцы... сотвориша вече, и послаша архиепископа Спиридона с боляры и с предними мужи опять к великому князю Ярославу Всеволодичю с челобитьем, просяще себе великого князя Александра Ярославичя».¹⁸⁰

Во-вторых, получив отказ, горожане могли пойти на замену кандидатуры. Например, в 1196 г. новгородцы «много славшеса ко Всеволоду к Суждальскому и молившеса ему, дабы им дал своего сына, любо иного кого, Всеволод же их воли не створи; они же ехавше ко Ярославу ко Всеволодичю Черниговьскому, испросивша у него сына меньшаго Новугороду на стол».¹⁸¹ Аналогичным образом пришлось поступить и жителям Пскова в 1342 г. Послам, несмотря на желание видеть князем Ольгерда, пришлось принять его отказ: «...и второе креститися не хошу и на княжении у вас сести не хошу»¹⁸² и удовольствоваться водворением на псковский престол его сына.

Кем и каким образом решался вопрос о замене или повторном приглашении того же кандидата?

Судя по описанию приглашения Александра Невского в Софийской летописи, повторное обращение к Ярославу Всеволодовичю – решение веча: «Новгородци же с челобитием послаша к великому князю Ярославу Всеволодичю, просяще сына оу него к себе. И дасть им сына своего князя Андрея. Тогда же *здоумавше новгородци (выделено мной. – И. М.)* и послаша владыкоу Спиридона с бояры опять к великому князю Ярославу Всеволодичю...».¹⁸³ Фраза «здоумавше новгородцы» обычно является одним из вариантов обозначения летописцем вече-

¹⁷⁷ Там же. С. 211.

¹⁷⁸ ПСРЛ. Т. 10. С. 148.

¹⁷⁹ Там же. С. 68.

¹⁸⁰ Там же. С. 124.

¹⁸¹ ПСРЛ. Т. 2. С. 150.

¹⁸² ПСРЛ. Т. 10. С. 215.

¹⁸³ ПСРЛ. Т. 39. С. 82.

вого сбора. Следовательно, выделенный фрагмент, несомненно, указывает на вечевое решение проблемы.

Иногда посольство обладало некоторой свободой усмотрения, правда, усмотрение распространялось лишь на отказ от кандидата. В 1160 г. новгородцы обратились к владимирскому князю Андрею Юрьевичу с просьбой дать сына на княжение. Когда Андрей Юрьевич «поча давати им брата своего Мстислава, они же его не восхотеша».¹⁸⁴ То, что от кандидатуры Мстислава отказались, по всей видимости, относилось к решению посольства, а не веча. Но в 1241 г. решение об отказе от кандидатуры Андрея Ярославича было принято вечем.

Можно предположить, что, несмотря на статус официальных представителей города, послы не вправе были принимать решение о новой кандидатуре. Этот вопрос решался на **повторном вече**. Единственное исключение составлял тот случай, когда альтернативная кандидатура тоже была рассмотрена на вече и признана приемлемой. Например, в 1141 г. новгородцы обратились к великому князю Юрию Владимировичу с предложением: «дай нам князя Святополка Мстиславича... аще ли не даси нам братанича своего, князя Святополка Мстиславичя, и ты поиди к нам сам княжити, или послы к нам сына своего Ростислава».¹⁸⁵

Если приглашенный князь или его родственник благосклонно принимали приглашение, послы отправлялись в обратный путь. Судя по летописи, обычно послы возвращались домой вместе с призванным правителем. В 1159 г. послы от Новгорода, залучив «братанича» великого князя, Мстислава Ростиславича, «пришедше с ним в Новьгород».¹⁸⁶ Описание прихода Александра Невского тоже свидетельствовало о совместном прибытии князя и посольской миссии: «прииде князь великий Александр Ярославич в Новьгород, с ним же и архиепископ Спиридон и с боляры...».¹⁸⁷ Можно предположить, что послы выполняли и ритуальную миссию – сопровождали в город избранного князя.

Между посольством и приездом князя могло пройти достаточно много времени. Иногда новый правитель поторапливался, шел «вборзе», а иногда успешно закончившаяся миссия посланников еще не гарантировала скорого приезда правителя. В частности, с тех пор, как новгородский престол был совмещен с великокняжеским, новгородский правитель мог довольно долго не появляться в городе. Например, князь Семен Иванович получил великое княжение в 1340 г., и лишь спустя пять лет, после настоятельной просьбы владыки Василия «приеха в Новьгород... седе на столе».¹⁸⁸

Итак, стадия посольства состояла не только в сообщении князю об избрании. В нее следует включать еще и успешное завершение миссии послов.

Заключительный этап – «укрепление» призванного князя на престоле

Процедура выборов князя завершалась прибытием князя в город и совершением ритуальных действий, знаменовавших согласие князя принять престол, а населения – принять князя. Можно выделить несколько стадий этапа «укрепления» князя:

- встреча князя населением города;
- заключение договора («ряд») с призванным князем;
- крестоцелование;
- «посажение» приглашенного на престол.

Торжественная встреча имела в большей степени ритуальное назначение.

¹⁸⁴ Там же. С. 61.

¹⁸⁵ ПСРЛ. Т.9. С. 166.

¹⁸⁶ Там же. С. 217.

¹⁸⁷ ПСРЛ. Т. 10. С. 125.

¹⁸⁸ ПСРЛ. Т. 39. С. 109

Обычно призванного князя встречали у ворот города: в 1158 г. к Рогволоду Борисовичу «выйде... Дрючан и Полочан боле треусот человек, и вниде в город с честью великою»;¹⁸⁹ а Александра Ярославича, по свидетельству летописца, «сретоша... с кресты во вратех града».¹⁹⁰

Иногда процедура встречи несколько видоизменялась. В 1142 г., откликнувшись на приглашение, в Новгород пришел Изяслав Мстиславич. «Новгородцы чрезвычайно любили его, объяснял Б. И. Александровский, – а потому устроили ему торжественный прием: избрав особых людей, они послали их встречать великаго князя на разстоянии трех дней пути от города, а на разстоянии одного дня пути Изяслава встретил весь город».¹⁹¹

Заключение «ряда» между населением города и князем считается неотъемлемым атрибутом процесса «укрепления»: «признание князя вечем необходимо сопровождалось «рядом» между ними и взаимным крестоцелованием».¹⁹² Н. Г. Порфиридов считает договоры средством обеспечения политической самостоятельности Новгорода.¹⁹³ В. Водов, анализируя применение титула «князь» к приглашенному правителю, делает вывод, что «между предварительными переговорами с будущим князем и его посажением на стол имел место важный юридический акт... этим юридическим актом могло быть как раз составление письменного dokonчания, сопровождающее обряд крестоцелования».¹⁹⁴

Как считают И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко, «не заключить ряд, не обговорить с городской общиной всех условий княжения было в те времена делом противоестественным».¹⁹⁵ В качестве примера авторы приводят киевскую практику середины XII в.: «... в 1169 г. после смерти Ростислава киевляне пригласили на княжение Мстислава Изяславича, прибывший князь «взма ряд с братьею, и с дружиною, и с кияны»».¹⁹⁶ Насколько обязательно было заключать договор, свидетельствуют и события 1154 г.: Ростислав, уходя в Киев, оставил в Новгороде своего сына, но такая замена пришлась не по вкусу горожанам. Новгородцы выгнали его, причем летописец считает, что новгородцы «взнегодоваша» потому, что Ростислав «зане не сътворим наряда»,¹⁹⁷ т. е. заранее не уговорился об этой подмене с горожанами.

Договор не всегда имел письменную форму. Поэтому необходимо разграничить вопрос о договоре как обряде «укрепления» князя и о договоре как его письменном воплощении.

Исходя из летописной лексики, можно заключить, что обряд заключения договора к 1154 г. уже был обычной и обязательной практикой. М. Н. Покровский считал, что «ряд» восходит ко временам Рюрика.¹⁹⁸ По обоснованному мнению В. Я. Петрухина, договоры ведут родословную от догосударственной эпохи: «Термин *ряд* («творить ряд», «ряды рядити» и т. п.) принадлежит древнему пласту русского и славянского (вероятно, праславянского) права».¹⁹⁹ Поэтому, как указывает автор, «с момента заключения ряда с Рюриком отношения Новгорода с русскими князьями были постоянными и зиждились на традиционной правовой основе».²⁰⁰

Целование креста князем населению, а горожанам – князю – необходимый обряд процедуры «укрепления» пришедшего в город правителя на престоле.

¹⁸⁹ ПСРЛ. Т. 9. С. 211

¹⁹⁰ ПСРЛ. Т. 10. С. 125.

¹⁹¹ Александровский Б. И. Народное правление в Древней Руси. С. 42.

¹⁹² Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. С. 403.

¹⁹³ Порфиридов Н. Г. Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI–XV вв. М.-Л., 1947. С. 29.

¹⁹⁴ Водов В. К истории оформления dokonчаний Новгорода с князьями в XIII в. (наблюдения над политической лексикой) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 55–56.

¹⁹⁵ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. С. 65.

¹⁹⁶ Там же. С. 65.

¹⁹⁷ ПСРЛ. Т. 39. С. 60.

¹⁹⁸ Покровский М. Н. Местное самоуправление в древней Руси // Мелкая земская единица в 1902–1903 гг. Сб. ст. Вып. 1. СПб., 1903. С. 234.

¹⁹⁹ Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск – М., 1995. С. 123.

²⁰⁰ Там же. С. 122–123.

Правда, иногда летописец упоминал о присяге лишь одной стороны: в 1159 г. после прибытия Мстислава Ростиславича новгородцы «утвердиша его крестным целованием»; в 1229 г. «прииде князь Михаиле ис Чернигова в Новъгород, и ради быша новгородцы, и целова князь крест...».²⁰¹ По мнению В. Н. Вернадского, процедура облекалась «в форму «целования креста» князем Новгороду, а не наоборот».²⁰² Однако документы часто упоминают о взаимном крестоцеловании: в 1285 г. «...князь Андрей Александрович... к Новгородцем крест целова... а Новгородцы ему целоваша, яко инаго князя не искати...».²⁰³ Изучение содержания рядных грамот с очевидностью выявляет тот факт, что крестоцелование было обоюдным: «На сем на всем князь великий целовал крест к всему Новугороду; такоже посадник, и тысяцкый, и весь Новгород целовали к великому князю по любви, в правду, без всякого извета».²⁰⁴

А. М. Гневушев указал конкретную дату введения обряда: «...в ИЗО году новгородцы начинают брать с князя присягу, чтобы он не оставлял Великаго Новгорода сам, без согласия на то веча».²⁰⁵ И. Д. Беляев назвал чуть более раннюю дату – 1126 г.²⁰⁶ Однако нельзя согласиться с авторами, как в отношении точной датировки, так и в отношении формулировки клятвы.

Во-первых, обряд присяги на верность был обычным для ранней стадии развития государственности, поэтому вряд ли можно указать точную дату его введения.

Во-вторых, присяга не обязательно обещала долгое правление выборному правителю. Обряд крестоцелования применялся как для призванных правителей, так и для получивших власть иным путем. И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко акцентируют внимание на этом обстоятельстве: несмотря на деятельность великого князя Всеволода, «мы ошибемся, – пишут они, – если решим, что Константин, Юрий и Ярослав оказались на княжеских столах в Ростове, Владимире и Переяславле по воле одного лишь Всеволода. В их посажении земство принимало самое деятельное участие. Вокняжение Юрия во Владимире сопровождалось крестоцелованием, в котором принимали участие и князь, и «все люди» Владимирской волости».²⁰⁷

²⁰¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 217; Т. 39. С. 75.

²⁰² *Вернадский В. Н.* Новгород и новгородская земля в XV веке. М.-Л., 1961. С. 23.

²⁰³ ПСРЛ. Т. 10. С. 165.

²⁰⁴ ГВНП. Ч. 1. С. 28.

²⁰⁵ *Гневушев А. М.* Господин Великий Новгород. С. 387.

²⁰⁶ *Беляев И. Д.* Судьбы земщины и выборного начала на Руси. С. 21.

²⁰⁷ *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 250.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.